

Ю. ЮРЬИН

СПЛОШНЫЙ ЗЫК

(СТЕНЬКА РАЗИН)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАД
1920

Ю. ЮРЬИН

СПОЛОШНЫЙ ЗЫК

(СТЕНЬКА РАЗИН)

Народная трагедия в 5 действиях,
6 картинах

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ● 1920

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена.

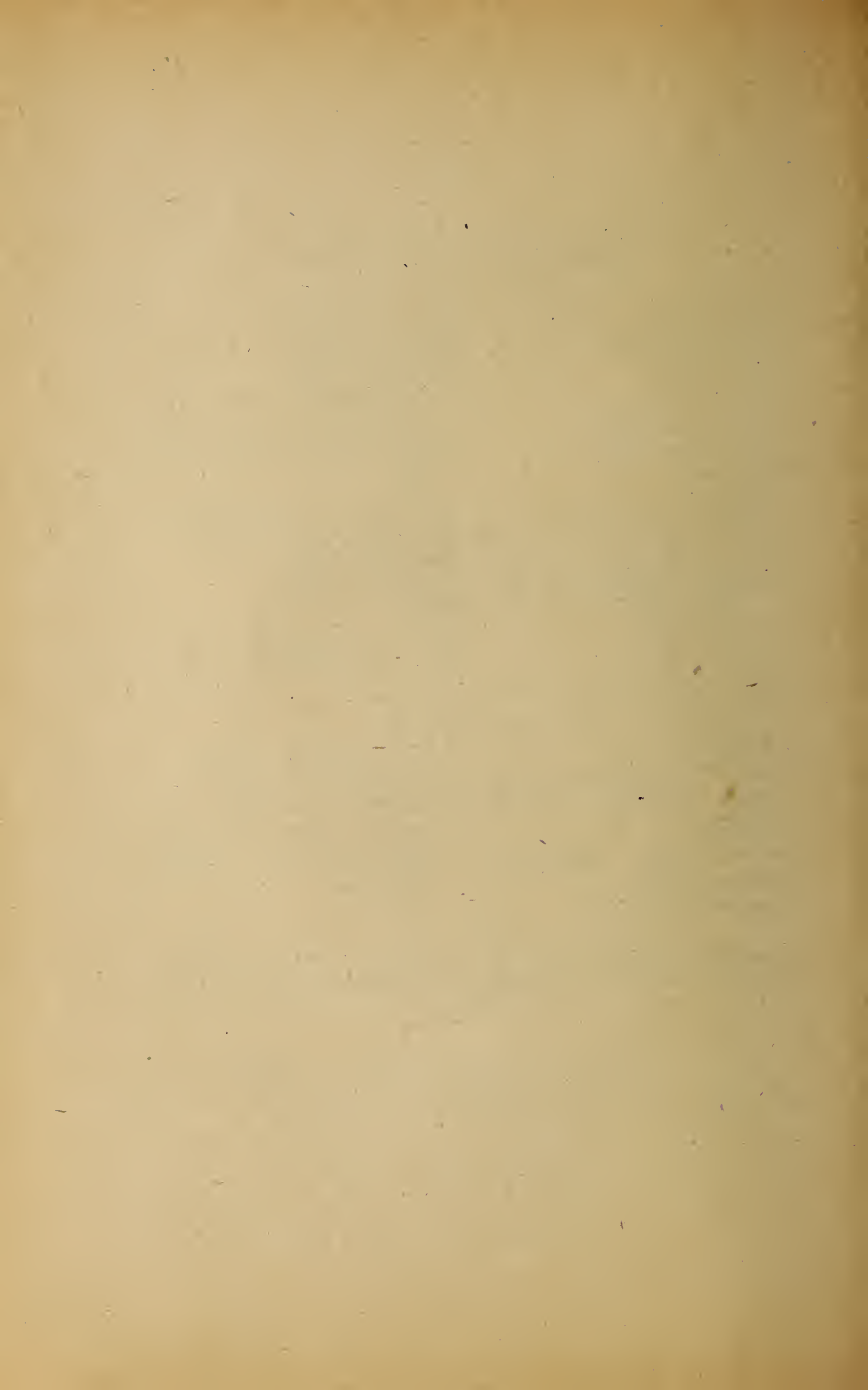
Государственное Издательство.

Четвертая Государственная типография.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Степан Разин.
Дарья, мать его.
Алена, жена.
Фролка, брат.
Ивашка Черноярец.
Алешка Протокин.
Вертлюга.
Севрин.
Прасковья Севрина, жена его.
Фенька, дочь их.
Корнило Яковлев, войсковой атаман.
Михайло Самаренинов, старый казак.
Князь Иван Семенович Прозоровский, астраханский воевода.
Боярин Яков Никитич Одоевский, начальник земского приказа.
Князь Иван Шаховской, окольничий.
Митрополит Иосиф.
Боярыня Языкова.
Настасья, дочь ее.
Мамка Настасьи.
Петр Самойлов, дьяк земского приказа.
Иван Хлудов, заплечный мастер.
Артемка, его подмастерье.
Первый и второй пристава.
Земский ярыжка.
Старый посадский.
Баба.
Молодой посадский.
Иван Красулин, стрелецкий голова.
Сотник.
Первый, второй, третий и четвертый мальчишки.
Народ: городские и посадские всяких чинов люди, холопы, станичники, казаки стрельцы.

Действие протекает частью на Дону, частью на Волге частью в Москве, укладываясь в промежутке между 1667—по 1671 г.г.

ДЕЙСТВИЕ I.

Разинская хата в Черкасске. Просторная, светлая горница. Алена, жена Степана Разина, сажает в печь хлебы. Тут же Дарья, мать его.

ЯВЛЕНИЕ 1.

Алена и Дарья.

Дарья. Вот и дождались Степана. Рада, небось, мужу-то?

Алена. Как же не радоваться, матушка! Знамо, рада! А то уж не ждала и увидать. Экой срок в отлучке был...

Дарья. Соловки, чай, тоже не ближний край! Всю землю поперек прошел, легко ли! Да воротился-то невеселый такой,—с чего бы так, думаю?

Алена. Не с дороги ли притомился?

Дарья. Ему ли к походам привыкать! Да и крепок он, что кованный, — не Фролке чета, даром что братья они... Все Степан вынесет... А вот слышит мое сердце материнское, что душа в нем не спокойна сделалась, а от какой причины — Господь ведает?

Алена. А чтой-то за товарища с собой привел?

Дарья. Да кто его знает — не сказывал... Никак Алешкой звать. Пристал, видно, дорогою беглый какой, мало ли их нынче к нам с Руси-то идет!

Алена. Да и то, на Дону теснота какая сделалась! Гляди-ко, сколько голытьбы беспортошной у нас развелось. Прямые, домовитые-то казаки ворчат: больно много их мол, скопилось, не проступить!

Дарья. А те на стариков старожилых ополчаются: жалованье, мол, царево хлебное на вас одних присылают, а мы кормись подаяньем да поденщиной.

Алена. Уж помалкивали бы, да Бога благодарили бы, что хоть приют-от нашли. А то туда же, вскидываются!

Дарья. Не помолчишь, коли жрать охота.. Заурчит в брюхе-то, нехотя заговоришь!

Алена. Да не делиться же с ними, с голытьбой, последним куском, коль у самих недостача?

Дарья. Ты уж при Степане хоть от этих речей воздержись, не любит он таких слов!

Алена. Да знаю, матушка... И чего они ему так полюбились, рвань бездомовная? Нет, чтобы со степенным, домовитым казаком водиться, а все с голытьбой кабацкой

Дарья. А он и сызмала таков был, таков, видно, и до веку останется. Да, слышь, вон никак и сам сюда жалует!

ЯВЛЕНИЕ 2.

Те же и **Разин.**

Разин. Добеги-ка, Алена, до Ивашки Черноярца, пошли его ко мне, да Фролку со двора покличь...

Алена. Полно, Степан Тимофеевич, полно, голубчик, ну пошто тебе Ивашка занадобился? Али у тебя иной канпании не найдется?

Разин. Не твоим разумом то понять. Делай, что сказываю!

[Алена хотела еще что-то сказать, да махнула рукой, ушла. Разин молчит, и все его огромное тело, словно придавленное грузом, склонилось к столу. Только темные глаза под широкими, разбе-

гающимися, как крылья, бровями, живут—то вспыхивая, то угасая].

Дарья. Что, сынок, скушный какой? С богомолья-то с легкой бы душой придти надо.

Разин [отвечает не спеша]. Зря ходил, матушка.....

Дарья. Что ты, сынок, что ты говоришь-то? Опамятуйся, грех-то какой!

Разин. Верно говорю, матушка... Ходил правды искать, думал, что хоть там-то, в Соловках, увижу, какая она? А и там не привелось найти...

Дарья. Полно, сынок, —накажет Бог за такие слова!

Разин. Да ведь вот, думалось: святые отцы, молитвенники наши, от мирского да от земного ото всего отрешены, праведную жизнь ведут...... Не стяжают, не гнетут малых людишек, и всяк всякому, по Христову ученью, равен... Поглядел, ан на деле-то не то выходит!

[Разин говорит неторопливо... Видно, как тревожная, тяжелая мысль бьется, напряженно впиваясь в темноту. Слова отрываются с трудом, движенья сдержанны и скупы].

Дарья. Как же так?... Сынок?..

Разин. Да так же, что и богатства земные скопляют, и угодьями всякими, и рыбными и соляными промыслами владают, и кто посильнее и повыше на маломочного наваливаются. И там то же окаянство, что и по всей земле!

Дарья. Да что ты говоришь-то, сынок? Слушать страшно слова-то такие!

Разин. Прежде не любил долгогривых, а теперь пуще того противны они мне стали, попы да монахи!

Дарья. Ах, грех какой!...

Разин. Бога заслоняют... Земного царя заместо небесного ставят...... Богатым да сильным служат,—учат народ смиренью да кротости, чтобы боярское лиходейство да издевку молча сносил,—это, мол, по Христову ученью,—а нет того, чтобы по Христову же ученью насильников да злодеев их же неправдою укорить.

Дарья. Да ведь уж издавна на том свет держится, что сильные да богатые миром правят!

Разин. Так довольно ему тем держаться, матушка! Плохо изба поставлена, так разметать, да новую поставить нужно, а не в худой жить...

[И вспыхивая внезапно, Разин сохраняет прежнюю сдержанность в движеньях. Только глаза загораются ярко. Но в голосе, негромком и слегка заглушенном, чувствуется огромная, непочатая сила].

Дарья. Непривычны такие речи, слушать-то их боязно, да, верно, твоя правда, сынок. Не мне, с моим бабьим умом, с тобой спорить! Да не было бы худа, Стенюшка! Брата-то помнишь ли? Те же речи говорил, да лихою смертью кончился!

Разин. Что ж, матушка? Брат за свою правду помер. Давай Бог всякому того...

Дарья. Ну-ну!... Тебе виднее... Ты лучше знаешь...

[В сенях слышны голоса и топот нескольких десятков ног].

Разин. Чего там? Кто шумит?

ЯВЛЕНИЕ 3.

Те же, Черноярец, Фродка, Алешка Протокин, Вертлюга, Севрин и другие **голутвенные казаки.**

Голоса. Здорово, Степан Тимофеевич... Благополучен ли воротился?... Как ходилося?...

Разин. Здорово, ребятушки. С чем пожаловали?

Севрин. Да как и встарь, лиха свои принесли тебе.

Вертлюга. Вовсе житья не стало: домовитые казаки да атаман Корнило Яковлев дохнуть нам, голутвенным людям, не дают!

[Тотчас же Вертлюгу поддерживают голос гудящие нестройным гулом. Выше всех ожест ченные, визгливые выкрики Севрина]:

— Свету за ними не видим!—
— Жрать не стало!—
— Уходить с Дону надобно!—
— Сил нет доле терпеть: вконец одолели нас!—

Разин. Слышь, матушка? И тут стон стоит... Ну, ты оставь нас покудова, нам перетолковать надобно.

Дарья. Иду, иду, сынок. [Уходит].

Разин. Так-то, братцы... Худо, видно, житьишко ваше! Да куда ни глянь,—всюду то же.

Черноярец. Нигде не малина!

Разин. Неправильно на свете жизнь налажена. На утесненьи да на лихе весь порядок постановлен... Большой путь прошел я, через всю Русь перекинулся, все глядел, как люди живут?

[И говоря с толпой, Разин не спешит, не возвышает голоса, но стоит прозвучать его первому слову, как все стихает кругом и только жадные, нетерпеливые глаза следят за ним, не отрываясь].

Черноярец. Что ж высмотрел?

Разин. Худо... Нигде правды не видел! Всюду, куда глянешь, воеводы да вотчинники, да слуги царевы бедных да худых людишек,—холопов, крестьян, посадских,— душат, давят, гнетут, и роздыху им нет. Такая ли правда должна быть?

Алешка. Какая уж то правда, коли людям житья нет!

Разин. Виданное ли дело, чтобы одни богатели, да на медах сытели, а другие, на них же как волы работая, с голоду дохли, непосильным тяглом задавленные?

[Разин ждет ответа, и тотчас же, как бы прорывая плотину, вырываются озлобленные голоса]:

— Не порядок это!..—
— Неправильно!..—
— Как такую правду сносить!—

Разин. Ну, и ладно, коли так мыслите! Стало, по пути нам. Потому, как поглядел я, что кругом-то творится и за-

пала мне думка в голову, да так-то крепко, что не выходит и по сю пору: а что, коли взять да и перевернуть все, да по новому, по правильному жизнь поставить?

[Молчание... В толпе движение и короткий неуверенный гул,—впервые словами сказано наболевшее в каждой душе].

Фролка. Что ты... брат... рехнулся, что ли?...

Разин. Нет, Фролка, я в своем уме! Сам ведаешь: слов на ветер никогда не бросаю. Знаю, что говорю!

Фролка. А силу где возьмешь свет-от переворачивать? Ну-тко вымолви?

Разин. Силу? Силы-то край непочатый. Только всколыхнуть ее надобно! Есть такой богатырь, сидит он сиднем, как Илья Муромец, и силы своей не чует! А почует,—расправит плечи, разогнет спину... Эх, дух захватывает. Аж самому жутко, как подумаю!

Черноярец. Ты, Степан, брось сказки-то—говори толком какого такого богатыря сыскал? Где он прятается?

Разин. Эх, вы, разумники! Да ты же сам, да вот он, да он, да весь народ загнетенный,—вот она, сила-то где! Большие тьмы людей волокут на спине своей бояр да воевод с приспешниками... А много ли тех? Горсточка... Так взять, да стряхнуть ее, чем утесненья да лиха-то терпеть!

[Общее движенье. Забродила мысль, вот-вот загудят все голоса, вздымутся руки, сожмутся угрожающе кулаки... Разин, распалившийся, горячий, ждет ответа].

Черноярец. Что-то и я смекать начинаю,—дело говоришь!

[И сразу откликаются все голоса, возрастающим гулом]:

— Довольно сносили, будет!—Все кости ломит!—

— Пора и нам за ум взяться!—Чего глядеть?—

— Враз стряхнем все тяготы!—И то пора!—

Фролка. Да мыслимое ли дело этакую силу сломить? А у

них стрельцы, да пушкари с пушками,—такого пропишут—и головы не сносить!

Разин. Эх, Фролка, дух-то у тебя жидкой! Стрельцы, говоришь? Пушкари? И эти наши будут! Им тоже под воеводами да головами стрелецкими не сладость,—у каждого своя обида есть! Как брата нашего, царство ему небесное, Юшка Долгорукий на перекладину вздернул, забыл?

Фролка. Помню.

Разин. То-то... Помню... Ты помнишь, да и я не запамятовал. Так же и другой, и третий, и всяк свою обиду в сердце несет и всяк рад до обидчиков своих дорваться. Только начать-то боится!

[Глухой ропот поддерживает Разина]:

— Ведомо так, уж обидчикам показали бы мы!—

— Да начать-то с какого конца?—

— Как приступиться-то?—

Фролка. Ты, что ли, начнешь?

Разин. А хоть бы и я!.. У нас на Дону теперь скопление большое, многие сюда свои обиды принесли. Кликнуть клич—поднимется вся голытьба,—все, кому жить не сладко!

[Голоса, вначале глухие, становятся все дружнее, все возбужденнее,—отдельные всплески сливаются в общий гневный гул].

— Как не подняться? Поднимемся!—

— Стеной встанем!—

Чернояреґц. Налилось яблочко, толкануть сук,—само, гляди, на землю скатится.

Севрин. Да с какого конца приняться-то?

Чернояреґц. А все с того же, с какого верней всего зачинается шум да всякое замученье: с брюха голодного!

Севрин. Как с брюха?

Чернояреґц. Да ты слыхал, что Разин-от сказывал? Вот и раскинь умом-то: у нас, у голытьбы, что Дон-от запо-

нила, брюхо-то, ох, как подводит! Вот и зачнем мы сзывать со всех станиц голутвенных людей, да шатунов бездомовных,—кто, мол, с нами про зипун промышлять пойдет, на Волге да на море Хвалынском стружки да бусы купецкие разбивать, богатых людей раздевать, а себе вольного житья добывать? Неужто не найдется охотничков?

[Голоса одобрительно отзываются].

— Как не найтись?—

— На такое дело толпой повалят!—

Черноярец. А того нам только и надобно!

Разин. Стой, Черноярец! О чем ты толкуешь-то? Ведь не на разбой, не на татины промыслы зову я вас!

Черноярец. Так неужто то татины промыслы, коли у вора взять награбленное, да поровну разделить? Аль не грабит вотчинник крестьянина?.. Воевода не грабит посадского?.. Аль торговые гости шкуры не воротят с правого и виноватого?.. И выходит, что одни сильны да богаты, а другие неимущи, да на тех же грудиться должны! Где правда тут?

[Подхватывают голоса]:

— И то правды нет!—

— Не грабеж то, а раздел правильный!—

—. Всем поровну добычу дуванить будем!—

Черноярец. То-то же!.. А как наберется нас сила большая, как загремим мы по всей Волге, а с Волги перекинется наша слава на Поволжье, а с Поволжья пойдет по всей Руси, и почнут к нам стекаться со всех сторон людишки, которым к земле пригибаться невтерпеж уж стало...

ЯВЛЕНИЕ 5.

Те же и К. Яковлев.

[Черноярец весь движенье, весь задор. Его глаза лукаво и радостно смеются, слова его хватают всякого и против воли волокут за собой. Голос веселый и звонкий зовет неудержимо. Во время последних слов, никем незамеченный, входит войсковый атаман Корнило Яковлев. Останавливается у притолоки, слушает. Весь он, как старый, обросший мхом, глубоко ушедший в землю камень. Только глаз, острый, ощупывающий, зоркий, шарит по горнице, по собравшейся в ней голытьбе. Корнило молчит, ждет, слушает, хотя знает все наперед].

Фролка. Ну, а там что?

Черноярец. А там пойдем вверх по Волге, под государевы под городы, бояр да воевод, да служилых людей выводить —так, что ли, Степан Тимофеевич?

Разин. Так, Ивашка. Пойдем всем людям вольного житья добывать! А там, может, и на самую Москву ударим, подпалим избу со всех четырех углов! Ветер огонь раздует, всколыхнется пламя, сожжет до тла все гнилое да старое!

Фролка. Высоко ты, Степан, заносишься! Шею не свернуть бы!

Разин. А и сверну, так не пожалею!.. Сымут голову, так хоть не даром! За большое дело и пострадать не страшно...

Фролка. Да как же так...

[И вдруг взгляд его наталкивается на спокойные, насмешливые глаза Корнилы. Слово застрявает в горле, нижняя челюсть отпадает и начинает прыгать. Молчание. Все с изумлением глядят на Фролку].

Разин Ну? Что ж запнулся-то? Али язык проглотил?

[Фролка медленно поднимает прыгающую руку и вытягивает по направлению к дверям. Все обо-

рачиваются и, заметив Яковлева, сразу приходят в смятение. Расступаются перед ним молча, но старик не двигается. Тягостное молчание прорывает сдержанное восклицание]:

Черноярец. Эк, принесло не ко времени, чертова батьку!

[Долгая борьба сцепившихся глаз, разинских, смелых, вызывающих и все тех же, насмешливых, спокойных и зорких Корнилы Яковлева. Наконец, когда молчание становится уже невыносимым, когда Фролка готов уже закричать от страха, Корнило Яковлев не спеша отлепился от стены и подходит к Разину. Недобрый голос тих, нетороплив].

К. Яковлев. Здорово, крестничек!

Разин. Здорово, атаман!

К. Яковлев. Ишь, какими соловьями вы тут разливаетесь, заслушался я... Красно говоришь, да речи твои негожие!

[И вдруг холодная, но неукротимая злоба мелькнула в глазах, в голосе, во всем собравшемся теле].

На воровское собрание казаков сбиваешь! На слуг государевых ополчаешься!

[Подавив вспыхнувший гнев, не торопясь отвечает Разин, сквозь стиснутые зубы].

Разин. Может, я и не гоже говорил, про то тебе лучше знать, а вот гоже ли казацкому атаману у притолоки стоять, выглядывать, выслушивать, как соглядатаю подосланному?

К. Яковлев. Грубить вздумал! Мне ведь не впервой поносные-то речи от тебя слушать! Я стар, да глуп, да за порядок стою, да с прямым домовитым казачеством водиться привык, а не с голытьбой бездомовной! Где ж мне с тобой, разумником, препираться? А я вот круг соберу да в Москву доведу про твои воровские речи прелестные. Ужо покажут тебе, как людей ими прельщать!

Разин. Не стращай, я не из пугливых!

Фролка. Ну, аминь!.. Пропали наши головы...

Черноярец. Да, дойдет до старых казаков, поднимутся на нас, а такого дела не попустят!

К. Яковлев [не спускает сверлящих глаз с Разина]. Да образумься ты, образумься пока не поздно, Степан! Отстань от голытьбы, полно род свой срамить! Брось людей мутить, почем зря. Пора остепениться, в возрасте уж, чай! Али хочешь, как брат, на перекладине покачаться? Так гляди, доиграешься и до этого!..

[Вдруг вспыхнул Разин,— бросился на Корнилу. Сдержался].

Разин. Про брата не поминай. Брат не вам чета был:—смело жил, смело и петлю надел!

К. Яковлев. Эка, чем величаться вздумал: смело петлю надел! Тем-то все тати да разбойники кончают, не велика честь!

Разин. Ну!.. Не смей братнино имя по-пусту трепать... Глотку перерву!.. За порог вышвырну,—не погляжу, что ты—Корнило Яковлев!

К. Яковлев [долго насмешливо кивает головой, потом говорит сокрушенно]. Ай-ай, крестничек.. ай-ай!.. Ну, спасибо на ласковом слове! Проведать тебя крестный пришел,— честно ты встретил его, угостил, в красный угол посадил! Сыт, доволен,— благодарствую!..

Разин. Не проведать ты меня пришел, а вынюхивать тут... Насквозь тебя вижу, лису старую!

Фролка. Полно тебе, Степка, не распаляй его по-пусту!.. Вишь как он ощерился!

К. Яковлев. Та-ак... Ну, ладно!.. Пошутили и будет. Давай о деле перетолкуем.

Разин. У тебя свои дела, у меня свои... Не о чем, стало, нам и толковать!

К. Яковлев. Не хочешь? Ну, твое дело. Попомнишь, будет срок,— не пожалеть бы тогда, что старика не послушался! Да поздно будет! А все скажу тебе словечко на прощанье...

[Останавливается, долго сверлит глазами Разина, наконец медленно, едва выцеживая слова, продолжает].

Крепко... ой, крепко дуб в землю врос... с корнями, не вывернешь!.. А и срубить, сразу не срубишь...

[Молчание].

Так-то...

[Тяжестью наваливаются эти слова, все притихли. Хрипло отзывается Разин, пытаясь скинуть с себя несносное, злое обаяние].

Разин. Брось притчи-то... ворон...

К. Яковлев. Не притчи то, крестничек! Не человеку идти против того, что Бог установил!

Разин. Вами порядок тот установлен, да отцами вашими, а не Богом!.. Поперек всех заповедей его жизнь-то строите, да за Бога и прячетесь... с порядком со своим!..

[Долго смеется К. Яковлев дробным, острым смешком, борода прыгает, дрожат щеки, голова ходит из стороны в сторону].

К. Яковлев. А не любишь ты порядку, крестничек, не любишь... Дожить бы хоть, поглядеть, как без него обойдетесь?

[Разин делает нетерпеливое движенье].

Пойду, пойду, вижу, что рад ты мне... да уж не держи,— пойду!.. Прощай покудова! Да поразмысли хорошенько, может, в мыслях-то перевернется что....

[Разин вновь трогается с места].

Ну-ну..... Иду... иду, уж, иду!....

[Идет, но на пороге задерживается и, еще раз обшарив все лица, не сказав ни слова, уходит. Молчание. Исподлобья оглядывают друг-друга, проверяют и никто не осмеливается заговорить первый. Разин ждет, смотрит пытливо, но не хочет начинать,—в глазах его, холодных и насмешливых, бродит недобрый огонек].

Фролка. Ну, вот... сказывал я: держи язык за зубами... Вот и дождались!

азин. Чего дождались? Напугался уж!.. Назад пятишься!

[Оглядывает всех].

Ну.... Что ж замолчали?... Чего мнетесь?......

[После каждого вопроса молчание становится все тягостнее,—страх и стыд за него сковали людей и когда начинает говорить Севрин, все вздыхают с облегчением].

Севрин. Эх, не ко времени как нагрянул!.. Все дело рассыпал!...

[Все зашевелились,—видно, что высказано то, что всех тяготило, теперь будет легче].

Разин. Чего рассыпал-то?...

Вертлюга. Да ведь доведет до домовитых казаков,—им: чертям, пузо-то отращивать на царских хлебах да на жалованьи любо, так не попустят, чай, беду на все войско наводить.

[С разных сторон нерешительно поддерживают]:

— И то!..—

— Головой Москве выдадут!—

— Эка, беда-то!—

Разин. Эх, вы.... Погляжу я на вас! [Черноярцу]. Сам же сказывал: только зачать дело, а там само оно покатится?

Севрин. Легко сказать: зачать!.. Зачинать надо бы тихо!

Вертлюга. Заведем,—а Корнило Яковлев тут нас и захватит!

[И голоса поддерживают]:

— Тут нас, заводчиков, не помилуют!—

— Вот те и зачинай!—

Разин. Зашатались?... Вижу.... Ну, вы как знаете, а я, что задумал, от того не отступлюсь!.. Кто со мной?..

[Молчание].

Ну?....

[Все опускают головы,переминаются. Молчание.

Что ж глаза-то в половицы уперли? Что там увидали? Аль и оторваться силы нет?

[Молчание].

Ну, в последний: кто со мной?

[Разин ждет. Наконец, Черноярец первый стряхивает с себя злой дурман].

Черноярец. Я с тобой!..

Разин. На живот и на смерть?

Черноярец. На живот и на смерть!

Разин. Под кнут и на дыбу?

Черноярец. Куда ты, туда и я!

Разин. Ну, смотри, Ивашка... Не давши слова крепись, а давши—держись!

Черноярец. Не учи... знаю. Крепился... а уж дал,—не отступлюсь.

Разин. Так ли?

Черноярец. Да уж не перетакивать стать! Замутил он меня старый пес,—ровно из-под земли вырос! Ну, да чему быть, тому не миновать. А на миру и смерть красна.

Разин. Верю тебе, Ивашка, не выдашь... Вот тебе рука моя.

Алешка. Степан Тимофеевич!.. Дозволь и мне к вам пристать? Не с тем я на Дон шел с тобой, чтоб от тебя отступиться...

Разин. Что ж ране молчал?

Алешка. Заробел сдуру...

Разин. А впредь не зашатаешься?

Алешка. Руку сам себе отсеку, коли назад попячусь!

Разин. Смотри же....

[Общее движенье, всем стыдно за овладевший было ими страх, все готовы примкнуть, голоса вновь крепнут и сливаются в общий гул]:

— А мы чего же?.. И нам с ними!..—

— Не отставать же!..—

— Бери и нас, Степан Тимофеевич!—

— Всем за одно быть!—

Разин. То-то вот!.. А то, ровно языки у всех поприлипали!

Фролка. Эх, была не была!.. И я с вами!..

Черноярец. Эко диво? Фролка, и тот причалил!

Фролка. А чем же я хуже людей?

Разин. Эх, брат! Не разинской ты крови: и телом и духом тщедушен!.. Ну, да уж коли сам вызываешься—отказу нет! Может, и впрямь делу послужишь... Так стоите ли на том, чтоб друг от дружки не отступаться, живота не жалея, смерти не убоявшись?

[Дружно отвечают голоса].

— Все стоим!.. Не попятимся!...—

— На живот и на смерть!—

— Не сморгнем!—

— Как быть иначе?—

Черноярец. Тебе, Степан Тимофеевич, атаманом быть, опричь тебя некому! Так ли, братцы?

Голоса: — Так тому и быть! —

— Иначе коноводом быть некому!—

— Он всему делу голова! —

— Ты худого не помыслишь!—

Разин. Ну, так в добрый час, да и за дело! Потому мешкать нечего, чтобы помехи нам какой не учинилось. Валите же в кабак, братцы, собирайте всех голутвенных людей со станицы, заводите речь! А я словечка два матушке скажу да за вами туда же буду!

[С бодрым гулом уходят, теснясь в дверях. Слышны голоса]:

— Давай Бог доброго начала!—

— Вали—не приваливайся!—

— Господи благослови!—

Разин [оставшись один, с минуту сидит задумавшись, потом идет к двери, кличет]. Матушка!.... Подь-ка сюда!...

ЯВЛЕНИЕ 6.

Разин и Дарья.

Дарья. Я, сынок! Что надобно?

Разин. Ну, матушка, благослови старую избу сносить, новую на ее место ставить?

Дарья. Какую избу, сынок? Что говоришь-то?

Разин. Запамятовала, что я давеча-то сказывал? Запало мне в мысль старый порядок порушить, черным людям вольного житья добыть. Знаю сам: великую ношу беру... Вынесут плечи, нет ли,—отступаться не думаю. Благословишь ли, матушка?

Дарья. Ты, сынок, сам себе голова... Коли надумал доброму делу послужить,—Господь тебя не оставит!

Разин. Спасибо, матушка,—знал, что так скажешь! Со спокойной душою пойду теперь.

[Светлый, благостный уходит Разин. Дарья смотрит ему вслед, высокая, сухая,—потом голова начинает трястись, неслышно плачет].

ЯВЛЕНИЕ 7.

Дарья, Алена—вбегает.

Алена. Что ж это такое, матушка? У кабака-то галдеж стоит да ор,—не переорешь! Ивашка Черноярец голутвеных людей собрал, да воровской завод заводит! И Степан, кажись, туда же покатился!.. Что ж он с нами-то, матушка, делает? Не сносить ему головы, а до жены да до ребят ему ровно и заботы нет?

Дарья. Ах, доченька! Кто вкруг себя глядит, а кто и подале! Не легко и мне детище свое с кровью от сердца отрывать. Да на большое дело поднялся, не нашему разуму это понять, не нашим рукам и удержать его.

[Обе плачут, каждая о своем, — каждая по разному].

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ II.

В городе Астрахани, перед приказной избой собрались ребятишки, спорят. От воеводского двора идет старый посадский. Остановился, слушает, чего гомонят. В глубине видны погреба для хранения зелейной казны, пушечный двор, государевы житницы. Горячий, июньский день близок к вечеру. После I-го действия прошло два с половиной года.

ЯВЛЕНИЕ 1.

Ребята, старый посадский, Красулин и **стрелецкий сотник**, вышедшие из приказной избы.

Красулин. Ну, конец наш приходит. Стенька под самой Астраханью, на Жареных Буграх стал,—с часу на час в город войдет!

Сотник. Сами посадские и ворота откроют,—во всем народе большое смущение идет...

Красулин. То-то вот!.. Так и в Царицыне, так и в Черном Яре было, сказывают. А коли мы, начальные люди, да противиться тому будем,—ну, не сносить и нам головы!

Сотник. Стенька не помилует!..

Красулин. Какая милость! Стрельцы-то твои как?

Сотник. Больно не тверды, голова...

Красулин. Видно, и нам, коли что, заодно с ними придется... Что на рожон-то переть?

Сотник. Да и было бы за что!. А то вовсе зря...

Красулин. То же и я говорю. Теперь я к воеводе пойду, — хмур сам-от нынче,—беда! А ты в сотню свою сойди, да повыведай, что у них в мыслях-то?

Сотник. Ладно, коли так!

[Расходятся. Среди ребят шум становится сильнее, голоса звонкие, веселые, покрывают друг друга].

Первый [из ребятишек]. Я буду Стенька, а ты да Мишка, быдто, мои товарищи! А ты, да ты – воеводы... И мы вас выводить станем!

Второй. Не хочу воеводой, хочу разбойником быть!

Третий. Ну, все разбойниками станем, а кого же нам выводить тогда?

Первый. Ты дьяков сын, тебе, стало и быть воеводой!

Второй. Да-а... Ишь, хитрые! Не стану же, вот, воеводой, — сам хочу Стенькой Разиным быть!

Третий. Стойте-ка, братцы! Пущай так будет: спервоначалу, вы воеводы будете,— мы разбойники, а после—мы воеводы, вы разбойники!

Второй. Ну, так, куды ни шло... Да, гляди, обманешь?

Первый. Вот те крест, не обманем! Зачинай – ну!..

Второй. А чего зачинать-то?

Первый. А на нас походом иди, а мы на вас... Ну!.. Сарынь на кичку!..

ЯВЛЕНИЕ 2.

Те же и **молодой посадский**, проходя мимо, останавливается и посмеивается.

Старый посадский. Эка, какую потеху затеяли, греховодники! Вот я ужо вас! Пошли вон отселе!

[Ребята, как стайка вспугнутых воробьев, рассыпаются в разные стороны].

Молодой посадский. Пошто всполошил-то их? Пущай бы себе тешились!

Старый. Тешились!.. Нешто можно этакое непотребство терпеть? Ребята малые, а и в тех шатость пошла!.. Не хочу воеводой, хочу разбойником быть!.. Тьфу, прости Господи!..

Молодой. Ребята, чай, со старших перенимают, весь народ замутился, того и гляди, весь поднимется...

ЯВЛЕНИЕ 3.

Те же, затем подходит **ярыжка**, понемногу скопляются разных чинов люди, бабы, мимоходящие стрельцы. Ясно заметно, что все возбуждены, точно канун большого праздника.

Ярыжка. А чего глядеть-то? Давно пора! Довольно тягот сносили...

[Молодой посадский, заметив ярыжку, шарахается в сторону].

Молодой посадский. Эх, принесла нелегкая!

Ярыжка. Чего напугался-то? Думаешь, земский ярыга,— так, враз зацепил да и поволок? Моя, брат, служба нынче в ночь, того гляди, кончится, — полно добрых людей таскать да воеводам служить!

Старый посадский. Уж кому бы говорить, да не ярыге земскому! Сам от них недалече ушел!

Ярыжка. Из-под неволи, да из-под палки чего не сделаешь? Что ж, что в ярыгах служу? Может, у меня все нутро сгнило, от службишки моей лиходейской? Думаешь, легко людей-то загублять? Ну, да, ладно—нынче аминь!

Старый посадский. Ишь, ишь, чего не скажет! Не ложно, видно, белый свет переменяется! Недаром Господь знаменья-то насылает,—лихие времена подходят! Вон, люди-то сказывают: намедни у Рождества Богородицы с полуночи и до самого часу зык колокольный слышен был...

Молодой. И у Воздвиженья, слышно, тоже шумело...

Баба. А в том-то годе, милые, в том-то годе, запамятовали? Под Крещение год самое земное трясенье-то как сдела-

лось... Напужалась я, милые, в те поры: изба ходуном ходит, куры с нашестей попадали,—напужалась и по сю пору вспомню, слова не вымолвить!

Ярыжка. Слова не вымолвить, а без умолку стрекочешь!

Баба. А в Тереке-то, милые, опять же сказывали, в пятницу, как три раза стукнуло, — все растрясло, милые, все, как есть, — хоть какой будь человек, на ногах не устоял!

Молодой. И в Шемахе, слышно, то же было...

Другая баба. Ах, страсти-то какие!

Старый. А все Стенька, вор и богоотметник, насылает!

Ярыжка. Полно врать-то! Чего зря языки треплете...

Баба. А ты, слышь, родимый, не говори так,—и не говори, и не говори! Всем ведомо, всем, как есть, что он ведовством промышляет,—тьфу, тьфу, тьфу, не к ночи будь помянуто! Слыхала я от верных людей, милые, от самых верных людей слыхала: есть у него, у Стеньки, кошма, а на той кошме может он, Стенька, и по воде плыть, может и по ветру летать! Вот провалиться на этом месте, — летит и летит, и ничего с ним не сделаешь! И как завидит он с высокого бугра,—насад ли, буса ли купецкая идет, сейчас садится он на эту самую кошму и полетит! А как долетит да над нею станет,—сейчас и кликнет: „Сарынь на кичку!“

Ярыжка. Ну?

Баба. Ну-у... а насад-от и стал с его покрику! А люди с одного его погляду каменеют, и вот, что хошь, то и делай!..

Другая баба. А под Царицыном-то, сказывают, и пушки в него не палили!

Баба. Не палили? О-о?...

Другая баба. Не палили: заговорил он их!

Баба. Заговорил, заговорил, милая, заговорил! Ей-ей, заговорил!..

Ярыжка. Ека, сорочий язык какой—и себе и другим за наказанье даден! Брешут ей, нивесть чего, а она и сама

еще с полкороба приплетет!.. Не чародей Стенька, а заступа наша, о наших лихах печальник! Слободить нас идет от злоумышленья да утесненья боярского, а вы чего языком-то прибираете?

Молодой. И то! Какое наше житье? Которые люди получше да побогаче, нас, посадских средних да молодчих бедных людишек, окладом да тяглом не по силам загнели!

[Эти слова тотчас дружно подхватываются и с разных сторон долетает]:

— Правежом заморили нещадно!—
— Силы терпеть нету!—
— В конец кабалой задавлены...—

Ярыжка. Бояре да воеводы царевы, да дьяки с подьячими-как клопы нашу кровь пьют!

Молодой. А мы все сносим!..

Баба. Голубчики вы мои, а государь-то что же смотрит да молчит?

Ярыжка. А как ему не молчать? Что ему ведомо? Молод был—глядел все изо-рта бояр Морозова да Милославского-тестя, что они, то и он! Пошли бунты да смуты, одних лиходеев отвели,—другие их место заступили!

Стрелец. Как стеной, боярами от народа отгорожен государь! Вон, цельный год нам жалованье царево не плочено было,—казны, вишь из Москвы не бывало! А как пошла шатость промеж стрельцов, враз сыскались и денежки: получите, мол, голубчики, только помалкивайте!

Старый. Да, сказывают, из митрополичьей казны вам выдано?

Стрелец. Сказать-то они не дорого возьмут! Думали припрятать денежки-то, да и концы в воду!

[Голоса злорадно подхватывают]:

— Кабы Стеньки не напужались, так бы и сделали!—
— А что ж нет? Мало они нас грабили?—
— А государю что ведомо?—

Ярыжка. И слеп и глух, как горшком накрыт царь-то,— ему и ладно!

[Голоса]:

— Теперь недолго уж!—

— Гляди, скоро сквитаемся!—

— Под самой Астраханью Стенька-то стоит!..—

Старый. Ах, он душегуб окаянный! Грабил бы уж гостей заморских по Волге да на море,—так вот нет же! Надо ему городы государевы воевать, порядок рушить!

Ярыжка. С татиных дел Стенька начал, да не татиными кончает! А города ему сами себя отдают, что Царицын, что Камышин, что Черный Яр! Так и нам сделать надобно!

Молодой. И то сделаем!

[И сразу подхватывают голоса, хриплые, острые, ненавидящие]:

— Давно пора! Чего глядеть-то?—

— Да и не поглядим!—

— Полно воеводам-то над нами царствовать!—

— Живота решимся, а на своем поставим!—

— Не нам, так хоть детям нашим иного житья узнать!—

ЯВЛЕНИЕ 4.

Те же и воевода Прозоровский вышел на шум из приказной избы. Тучное брюхо колышется от гнева, лицо налилось кровью, зло и тускло сверкают свиные глазки.

Прозоровский. Что тут за шум? Кто смутьянит? С ворами, со злодеями стакиваться вздумали? [К стрельцам]. А вы, сукины дети, чего смотрите? Жалованье царское получать вам любо, а нет того, чтобы злодеев государевых выводить? Всех перехватать, да в приказную избу, кнутьем сечь нещадно, на дыбу! Всех пытать злой пыткой велю!

[Перепуганные, жалкие все бросаются, кроме ярыжки, на колени, голосят и причитают]:

— Смилуйся, государь воевода! Затемнение нашло!—

— Не вели казнить!—

— Не гневись на нас, холопишек твоих худых!—

Прозоровский. Взвыли? Ничего!.. [Старому посадскому]. А ты, старый пес, туда же, к бунтовщикам приставать?

Старый. Помилуй, государь, и в мыслях не было!

Прозоровский. Ведомо мне, чего у вас в мыслях нет!..

[Хватает старика за бороду].

Винись, а не то волосья последние из бороды повытаскаю!

Старый. Винюсь, Государь, отпусти только!

Прозоровский. Винишься? Так на дыбу его. [Стрельцам]. Ну? чего встали? Поворачивайтесь!

Стрелец [подходя неохотно]. Ну, вставай, что ли? Слышал приказ государев?

Старый. Да за что, отцы родные, милостивцы!..

Стрелец. Ну, поговори еще! Вставай, слышь!

Ярыжка. Что, головушка, легко ли совестью-то кривить да неправде служить?

Прозоровский. Это что за горлан? Ты что есть за человек?

Ярыжка. А был доселе земским ярыгой, да кончено! С этого часу не слуга больше ни тебе, ни присным твоим! Вот те и весь сказ...

Прозоровский. Да не ты ли всему шуму заводчик будешь?

Ярыжка. Я и есть!

Прозоровский. Схватить его!

[Стрельцы хватают ярыжку].

Ярыжка. Да не хватай, и так не убегу! Много грехов на душу я принял служа неправому делу, да теперь мукой душу обелю... А не слыхивал ты правды, воевода, так послушай: [под самым под городом стоит Стенька Разин

со своими станичниками,— погибель-то твоя стоит, боярин, и не уйти от нее ни тебе, ни твоим приспешникам!

Прозоровский. Глотку ему заткнуть! Пытать, всех пытать до смерти, чтобы духу их крамольного не было!

[Вопли, стоны, плач оглашают воздух, руки тянутся к Прозоровскому, но стрельцы беспощадно уволакивают схваченных. Но еще слышны отдаленные голоса]:

— Смилуйся, отец родной!..—

— Господи, батюшка, святые угодники!..—

— Погибель наша пришла!..—

[Все стихает. Остается один Прозоровский, грузный, усталый, сразу точно оплывший весь].

Эй! Люди, кто там? Красулин!

ЯВЛЕНИЕ 5.

Прозоровский, Красулин.

Красулин. Я, государь!

Прозоровский. Ну, что в народе слыхать? Ждут вора?

Красулин. Не ведаю, государь... Сказывают, не нынче ли приступать к Астрахани думает?

Прозоровский. Худо... На посадских да на городских людишек не понадеешься, того и гляди, сами своруют, на Стенькину сторону перекинутся, дорогому гостю ворота въезжие откроют... А стрельцы-то твои хоть устоят ли?

Красулин. Должны бы устоять, государь...

Прозоровский. Да ты что морду-то воротишь? Коли что ведомо тебе недоброе, так сказывай!

Красулин. Да нешто в душу в чужую влезешь? Нешто укараулишь? Таятся они от нас, коли что и задумали неладное...

Прозоровский. Ой, гляди! За тех, кто под твоим началом, ты же и ответчик! С тебя и взыск будет, коли что!.. Все вы продать рады, кругом себя измену слышу... Вишь,

вишь опять глазами заерзал! Ну, гляди сюда, в лицо мне прямо, отвечай, как на духу: не замышляешь ли и сам чего?

Красулин. Помилуй, государь, моя служба тебе ведома!

Прозоровский. Да ты не виляй, слышь, а сказывай, что спрашивают?

Красулин [сумрачно]. В злых умыслах неповинен...

Прозоровский. Крестное целованье-то помнишь ли?

Красулин. Помню...

Прозоровский. То-то же... Стой!.. Никак в колокол сполошный ударили?!.

Красулин. И то?!.

[Издали доносится тревожный призывающий звон сполошного колокола. Звуки, обгоняя друг друга, торопливо и бестолково мечутся между строеньями. Запыхавшись, вбегает вестовой стрелец].

ЯВЛЕНИЕ 6.

Те же и **стрелец**.

Стрелец. Государь, воровские казаки на Вознесенские ворота с лестницами приступают!

Прозоровский. Поспеши-ка к Вознесенским воротам, голова, веди стрельцов туда, скоро за вами и сам туда же буду!

Красулин. Спешу, государь! [Торопливо уходит].

Прозоровский. Много ли их?

Стрелец. Со всех сторон сила валит!

ЯВЛЕНИЕ 7.

Те же и митрополит **Иосиф.**

[Высохший, древний старец, пергаментное, неживое лицо с бледными неживыми глазами, голова непрерывно ходит из стороны в сторону, точно отрицая нечто].

Иосиф. Ищу тебя, боярин, сполошный зык заслышав...

Прозоровский. Зачинается дело, владыко! Моли Заступницу, а то душа неспокойна...

Иосиф. Укрепись верою, чадо, Господь и Вседержитель наш покров и защита, и упование наше. Восхощет и рассеет воровские полчища, яко персть вихрем разметаема, и поразит смертью вора и богоотступника.

[Привычным голосом повторяет владыка привычные, ставшие мертвыми слова, и не успокаивают они Прозоровского].

Прозоровский. Так-то так, владыко, а все боязно! Шатость кругом себя вижу, положиться нет на кого: головой злодею выдадут!

Иосиф Дерзай же, чадо, дерзай мужественно, коли пришел час за великого государя пострадать доблественно и даже до смерти. Уповай на бессмертие и великих наград за малое мучение.

Прозоровский. Старые грехи к земле пригнетают, владыко. Многоих накопилось: земными радостями суетно прельщался.... не по совести суд и расправу чинил .

Иосиф. Покайся и прощен будешь.

Прозоровский. Живу бы, живу остаться... отмолил бы я грехи-то свои... А теперь от черных людишек лихую смерть принять!..... Помыслить страшно!...

ЯВЛЕНИЕ 8.

Те же и еще **стрелец** бежит, кричит издали.

Стрелец. Где воевода? Где боярин? Государь, в Пречистенских воротах калитку вырубили.... казаки в город входят!...

Прозоровский. Врешь ты, пес! От Вознесенских ворот приступают воры, а не от Пречистенских! Там же и Красулин со стрельцами своими...

Стрелец. Про то не ведаю, государь, а только большою силою на Пречистенские навалились, да сами же астраханцы воров на стены принимали!

Прозоровский [вдруг всколыхнулся всем своим грузным телом, заметался, не зная, куда кинуться]. Стало, измена?... Обошли, стало,—со спины ударили?.. Что же делать-то, владыко, что же делать-то нам? Как быть-то теперь? Ума не приложу, погибель моя, видно, приходит, конец свой вижу́!....

Иосиф. Крепись, боярин! За великое дело венец мученический приять,—милость Господня!

Прозоровский. Ни за что пропадаю!... Ни за что гибну, владыко!.... Что это? Кто еще бежит там?

ЯВЛЕНИЕ 9.

Те же и еще **стрелец** бежит, кричит на ходу:

Стрелец. Казаки через Житный Двор вступают, боярин! Голова Красулин вору передался!... Народ валом валит к Белу-Городу!..

Прозоровский. Красулин... передался.. и беда отвсюду.... Где защиты искать, владыко?.. Сдали город, проклятые! Головой выдали Стеньке! Слышь? слышь, гомонят как? За мной идут!.. По душу мою и ут, владыко!.... Злодеи мои!... Оборони... в храме Бож м укрой меня..... авось, там-то хоть не поднимется н меня рука их.... а то некуда схорониться боле!...

Иосиф. Идем, боярин, и буди над нами воля Господня!

[Поспешно удаляются — впереди сухой и будто неживой Иосиф и позади, нагоняя его, цепляясь за него, чуть не падая—Прозоровский].

ЯВЛЕНИЕ 10.

Между тем гул голосов и топот сотен ног все растет, приближается, доносятся уже отдельные выкрики и наконец вваливается толпа, озверелая, торжествующая и затопляет площадь.

— Где они, злодеи наши? Подать их сюда!—

— Довольно они над нами тешились!—

— Наш час пришел!—
— Где боярин Прозоровский? Куда подевался?—
— Где скрывается?—

[Увидав стрельцов, накидываются на них]:

— Где воевода? Сказывай, а то самому головы не сносить!

Стрелец. Что вы, братцы, помилосердствуйте, все скажу! С митрополитом, с владыкой в соборе укрылся!

[Гогот, свист и гул голосов растет].

— И там достанем! Не убережется!—
— В собор, братцы! —

[Часть толпы с криками двигается к собору. В то же время остальные приветствуют радостными кликами входящих казаков].

ЯВЛЕНИЕ 11.

Те же и **Черноярец**, появляется веселый, возбужденный кричит, обращаясь к толпе:

Черноярец. Здесь атаман не бывал еще?

Из толпы. От Житного Двора, сказывают, идет!... Да слышь, вопят да топочут—видно, сам близко.

[Общее движенье, все поворачиваются и, тесня друг друга, ждут Разина].

Черноярец [к казакам]. Ну, ребятушки, поработали мы, первые в город вошли! Вишь, смелому горох хлебать, а несмелому и щей не видать! Вали на боярские дворы, разбивай погреба, бери казну, да шелка, да бархаты, — все волоки в Ямгурчеев городок, там и добычу дуванить будем!

[Издали доносятся крики: „Здорово, батюшка Степан Тимофеевич! Отец ты наш! Бог тебя сохрани". Толпа расступается, снимает шапки, появляется Разин, живой, торжествующий, глаза сверкают радостью, голос звонкий].

ЯВЛЕНИЕ 12.

Те же и Разин.

Разин. Здорово, детки!

[Народ бросается к нему, кажется, сейчас раздавит его эта бурная лавина, но Разин уже над ними, на крыльце ближнего дома. Голоса]:

— Здорово, свет ты наш!—
— От бед избавитель!—
— Батюшка, отец родной!—

Черноярец. Кланяюсь тебе Астраханью, атаман! Орешек крепонький был, да ничего раскусили. Давай Бог и дальше так-то!

Разин. Так и будет, Ивашка! А тебя, за гостинец твой, ставлю есаулом своим! Побольше бы таких работничков, до зимы бы в Москву пришли! Ну, детки! Нынче беды ваши кончены... Вам всем воля, — иди кто, куда хочет,—у себя быть никого не нужу. А кто вздумает к нам пристать, будет вольный казак! Мы пришли истребить бояр, богатеев извести, а с малыми, черными людишками, что есть у нас—всем поделимся.

[Радостный гул голосов отзывается]:

— Все за тобой идем!.. Все до единого!—
— Вы, отцы наши!..—
— От лиха избавители!..—
— Тебе служить готовы!—

Разин. Не мне, детки, служить надобно... Вы свободились, а во многих городах еще воеводы плотно сидят,—вот на что ваша сила нужна!

Голоса. Глядите-ка, братцы! Никак самого воеводу волокут?
— И то!...—
— Так его, так его, старого пса!...—
— Веди его!...—

ЯВЛЕНИЕ 13.

Те же и **Прозоровский**, полумертвый, жалкий, истерзанный, дикие глаза блуждают мутно, хриплый голос срывается. За ним следует **Иосиф** с крестом в руках.

Разин. Здорово, боярин!

Прозоровский. Здорово... Степан Тимофеевич....

Разин. Ишь ты!.. Давно ли я из Стеньки вора в Степана Тимофеевича обернулся? Низко кланяюсь на милости твоей, государь! Не ведаю только, за что мне этакая честь привалила?

Прозоровский. Не губи ты меня... Степан Тимофеевич... батюшка!... Смилуйся,—вели отпустить душу на покаяние! Век за тебя буду Бога молить!

[Вырываясь из рук тех, что приволокли его, Прозоровский грузно валится на колени, ошалелый от страха, плача и причитая, хватаясь руками за полы Стенькина кафтана, за ноги, шаря руками по ступеням крыльца].

Разин. Полно те, воевода, полно! Гоже ли боярской бороде перед татем в пыли валяться? Да и пошто крушишь себя? Коли вин никаких нет на тебе, никто тебе и худа не учинит и зла на тебя не помыслит!

Прозоровский. Лихих дел за собой не ведаю, вот как перед Истинным не ведаю! А коли и согрешил в чем, так по недомыслию, а не со зла!

Разин. А давно ли ты малоумен-то стал, боярин? Давно ли такая беда стряслась? Да полно!.. Прямодушен да милостив ты был, на воеводстве-то сидя, сирых да слабых не обижал, не опущал руки своей к посулам да взяткам, подначальные твои да малые людишки души в тебе не чают, слыхал я... Вот к ним и спрос будет, как скажут, так тому и быть: велят помиловать—помилую, а велят казнить—не обессудь, государь воевода—казню!

[Жестокая насмешка и отвращение написаны на лице Разина и все беспомощней мечется под его словами Прозоровский].

Прозоровский. Степан Тимофеевич... Батюшка!.. голубчик!.. Все ведь они недруги мои злые, все смерти моей ждут! Облихуют, обнесут в глазах твоих занапрасно!.. Не давай веры им, злодеям моим!

[Народ, все время потешавшийся страхом боярина, при этих словах приходит в ярость]:

— Напужался!... Вертишься!..—

— Поздно, брат, спокаялся!—

Разин. Как же ребятушки, помиловать боярина, али нет?

[И ожесточенные голоса немедленно отвечают]:

— А за что его миловать?—

— Что кровь-то нашу сосал?—

— Собаке собачья и смерть!—

— Истребить его!—

Прозоровский [метнулся к народу, моля о пощаде, но всюду натыкается на враждебные ненавидящие глаза]. Братцы!... Голубчики!.. Да за какие же вины такие?

[Злорадно, дружно откликаются голоса]:

— А кто нас поборами загнетал? Кнутьем сек?—

— На дыбе калечил?—

— Наших девок пакостил? Козел блудливый!—

— Кровосос!—

Разин. Так нет вашей милости боярину?

[Откликаются голоса]:

— А сам-то он многих ли помиловал?—

— Не знали мы его милости, не узнает и он нашей!—

— В воду его!—

— С раскату спихнуть его!—

Разин. Может, есть кому слово замолвить за боярина? Может, ненароком, кому доброе сотворил?

[Молчание].

Слышь, боярин?.. Нет у тебя заступников,—видно, всем на Астрахани солон ты пришелся! Стало, на себя и пеняй...

Иосиф. Богом и Его Животворящим крестом заклинаю, не губи душу человеческую, отпусти с миром!

[Поднятый крест бессильно ходит в руке его и так же бессильны неживые бездушные слова].

Разин. А где ты тогда был, когда он на смерть да на пытку малых людишек посылал? Тебе бы их боронить, а не за воевод да за бояр с крестом стоять! Аль и перед Богом разных чинов люди разную и заступу имеют? Отойди, старый ты человек, не вводи меня в грех, не хочу седины твои худым словом понести..... Как сказано, так и будет! Помиловали бы они боярина—его счастье; нет их милости,—нет и прощенья ему! Уведите воеводу, я ужо сам с ним за народные лиха сквитаюсь!..

[Прозоровского хватают и ведут. Беспомощный, жалкий, видя, что уже ничего не поможет, он покорно плетется. Иосиф следует за ним].

А теперь, всех, кто пострадал от него, всех, кто в застенках пытан, да в оковы им ввергнут был—всех свободить. Да всю бумажную письменность, все кляузы и доносы, что по приказам лежат, огнем истребить, чтобы старым духом у нас не пахло.

[Радостный гул голосов отвечает ему]:

— Так их!.. Пали, чего жалеть!..—

— От них все наши лиха были!....—

Разин. Дай срок,—ужо на Москву приду, и на верху у государя то-же сделаю!

[В это время часть толпы направляется к приказной избе и выпускает оттуда схваченных по приказу Прозоровского].

Выходи, братцы!.... Всех выводи!...—

[Заключенные, увидя Разина, бросаются на колени, голосят взволнованно и радостно]:

— Отец родной!.. Вызволил!...—

— Челом бьем на милости твоей!...—

Разин. Полно, ребятушки, покланялись вы на своем веку,— будет! Пора отставать от прежних навыков! Разогните-ка спину-то! Так-то вот складней будет!

Баба. Ах ты, свет ты наш... голубчик, ты!... Господь тебя сохрани!

Ярыжка. Что ж ты, баба, ведуна-то да злодея так величаешь?

Баба. А дура я, милые, дура, чего с дуры спросить? Что люди болтают, то и я!... А теперь и саму совесть зазрит!

Старый посадский. И то с татем-то он не больно схож! Ишь, лицом-то как светел да благостен!

Ярыжка. То-то!.. Не больно схож... Эх, ты, сума переметная! Степан Тимофеевич! Дозволь земскому ярыге многие вины свои избыть: не своей волей те лиха чинил, по указу боярскому,—да полно: кровью своей отслужу, коли надобно—дозволь к вам пристать!

Разин. Ну, коли и земские ярыги к нам просятся, видно и впрямь скоро нам на Москве быть! Ладно, ярыга, отслужи вины свои перед людьми. Коли с чистой душой идешь к нам—товарищем будешь, но коли со злым умыслом ты к нам втираешься....

Ярыжка. Помилуй, пошто обижаешь?

Разин. Верю, верю тебе, ярыга! Пойдем с нами, коли так, старый порядок рушить, вольность казацкую устанавливать, чтобы по всей земле всяк всякому стал равен! А теперь и передохнуть не грех!

[Разин сходит с крыльца веселый, торжествующий, и вдруг видит ребятишек, собравшихся и глядящих на него жадным взглядом. Смеется].

А вы чего рты поразевали, зевластые? Али чудо какое углядели? Вот галка-то влетит—тогда узнаешь!

Первый из ребят. Что ж, сказывали, разбойник ты?..

Разин. А что ж?

Первый. Разбойники-то, чай, страшные, а ты вовсе добрый—сейчас видать!

Разин. Для тех я страшен, ребятки, у кого совесть кривая. А коли вы своей чистой душкой меня добрым сочли, так и ладно! Ах, вы, детки малые! Вы ведь—надёжа наша, для вас трудимся, вам жизнь правильную налаживаем! Расти, поднимайся, крепни молодняк,—может, когда и помянете нас, смерть и муку за вас принимавших!

[Светло смотрит перед собою Разин и не оторвать от лица его глаз ни народу, ни детям].

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ III.

Картина 1.

Боярские хоромы, в которых похозяйничали разиновцы. Богато убранная горница со следами разгрома. За столом пирует ватага — Разин, Фролка, Черноярец, Алешка и др. станичники. Все хмельные, буйные, возбужденные недавней победой,—взятием Симбирска. В стороне,—одинокая, крепкая фигура Настасьи Языковой. После II действия прошло около трех месяцев. Слышен конец песни, с присвистом, выкликами,—удалой, веселый.

ЯВЛЕНИЕ 1.

Настасья Языкова, Разин, Фролка, Черноярец, Алешка, станичники.

Хор. Шары-бары, растобары,
Белы снеги выпадали,
Серы зайцы выбегали,
Охотнички выезжали,
Красну девку испужали:
Ты, девица, стой,
Красавица, пой!

[Песня заканчивается хохотом, гиканьем. Все голоса покрывает голос Черноярца]:

Черноярец. Фролка, слышь, Фролка! То про тебя песня-то сложена: ты у нас красна-девка-то!

Фролка. Полно тебе зубы-то скалить! Гляди-ко, веселый какой! Да ну вас! Я лучше к боярышне пойду!...

[Подходит к Настасье, покачиваясь и скаля гнилые зубы, визгливо прихихикивая, касается ее. Настасья вздрагивает, оборачивается].

Настасья Ильинишна...

Настасья. Чего тебе?

Фролка. Ты что с нами песни не играешь? Чего приуныла? Али боярина вспомнила?

Настасья. Молчи уж, бессчастный!... Сами же батюшку да братьев моих извели, матушка через то до сей поры отойти не может, а тоже... Пес ты, пес поганый, вот ты кто!

Фролка. Вот те раз! Я тебя жалею, а ты лаешься! Вишь, какая неласковая...

Разин. Фролка, отойди! Чего лезешь с пьяну, куда не след?

Фролка. А ты чего вскидываешься? Аль и тебе боярина Языкова жалко сделалось? Так что ж не помиловал? Отпустил бы, да еще шубой бы со своего плеча пожаловал,—вот бы и ладно!

Разин. Эй, сказываю тебе, не гневи меня! Боярин Языков по заслугам лихой смертью кончился... Сам знаешь: лиходеям народным я не потатчик... А к боярышне пошто лезешь?

Фролка. Ишь, заступник сыскался! Аль самому боярышня-то приглянулась? Так прямо бы и сказывал! Да, брат,— ау!.. Ау!.. Поздно схватился... Перешиб я тебя... Моя боярышня... у нас сговорено уж, гляди...

[Пытается обнять Настасью, та с отвращением отталкивает его локтем. Фролка падает на лавку и долго тупо смотрит перед собой].

Вот те раз?.. Как же так? Боярышня? Ты что, обозналася? Фролка я, чего пхаешь?

Настасья. Поди прочь от меня!.. а нето не так полетишь...

Черноярец и все хохочут. А еще бахвалился „Исполать полатям, что выше печи!

Разин [подходит, поднимает Фролку с лавки и сильно встряхивает]. Ну?.. Отваливай, когда велят!

Фролка. А мне что не уйти? Не долго. Ноги-то свои, чай...

[Фролка отходит неохотно. Разин медленно приближается к Настасье].

Разин. Не гневись, боярышня, коли спьяну он над слезами твоими посмеялся.

Настасья [быстро оборачивается и впивается ненавидящими глазами в Разина]. Над слезами? Слез-то моих ни тебе, ни ему не видать... Да не подходи ко мне и ты!.. Кровопийца ты, душегуб... всю Русь замутил...

Разин. Полно, боярышня, не я то сделал... Вынесла меня волна горя мирского на гребне своем, подняла со дна... Не я,—другой был бы на месте том, не другой, так третий,— все едино! Пришел час заняться пожару и занялся,— не мною раздут он.

Настасья. Кем же?

Разин. Гневом народным.

Настасья. Так ведь ты же всему делу голова?

Разин. Ведомо, я... Да нешто одна голова без рук, без ног что сделает? О том поразмысли!

[В том, как говорит Разин, слышится какая-то большая затаенная скорбь. Чует ее Настасья, но не хочет поддаться обаянию ее,—упрямо стряхивая наступившее на миг молчание].

Настасья. Кто тебя знает? Непривычные речи твои, темные... Не разберу...

Разин. А чего разбирать? Много годов рабья доля людей-то гнела,—распрямиться захотелось! Чем сдержишь? Вода плотину рвет.

[Молчание. Встретились глаза с глазами, точно затаясь, сторожат они друг друга. Настасья не то враждебно, не то смущенно усмехается].

Настасья. Ну?.. Чего глядишь?

Разин. Аль боишься?

Настасья. Чего бояться? Ты не волк, я не овца, в лес не потащишь...

Разин. Ишь, смелая... А коли схвачу я тебя в охапку, вот, как есть ты,—да в светелку отнесу тебя...

Настасья [вызывающе, перебивает его]. Да на постелю бросишь, так что ли? Спать со мной ляжешь?—Ну, что ж? Целовать тебя стану, коли так, ласками заморю тебя, а ночью-то, как заснешь... как глаза-то закроешь... косой своей удавлю!..

Разин. Будто бы?.. Так и сделаешь?

Настасья. Так и сделаю!

Разин. Гордая?.. Гляди: буйная кровь во мне, не сдержишь, коли взбунтуется... Пошто тревожишь ее?

Настасья. Не стращай, не таковская! Ты кремень, да и я не лозинка... Даром, что в боярском терему выросла,—не скоро согнешь меня.

Разин. Не зарекайся, боярышня... Помню я, была одна... такая-то... Долго крепилась,—не выстояла.

Настасья [насмешливо]. Силы не хватило?

Разин. Стало так... Персиянка была... княжна полоненная... красавица... А уж любила меня... Эх, что поминать!

Настасья. Что ж после-то?

Разин. А после... после то было: по Волге... вверх мы подымались на стругах... И пришла такая минутка... набежала... что схватил я княжну-то свою, персияночку-то свою на руки...—а как перышко была...—схватил...

[Разин останавливается и долго смотрит перед собой, как бы что-то в тумане разглядывая. Потом, встряхнув головой, решительно, как бы торопясь докончить, бросает]:

Да смаху через борт ее в Волгу и бросил!

[Молчание].

Настасья. Ко дну пошла?

Разин. Не крикнула...

Настасья [не сразу]. Пошто убил-то?

Разин. Не умею душу двоить... Захлестнула она меня, ровно опоила чем, — так полюбилася!.. Все заслонять стала... Не стерпел, — Волге и отдал... чтобы не мешала...

Настасья [тихо, с огромной ненавистью]. Зверь ты... Зверь... Ишь, глаза-то у тебя... ровно омуты. Уйду... Глядеть не стану... [Уходит].

[Разин долго сидит сумрачный. Медленно пока чиваясь, подходит к нему Фролка и укоризненно го ворит].

Фролка. Вишь, брат, сказывал я: не по тебе боярышня... Вот и ушла! А у меня, брат, шалишь: не уйдешь! Я, что кречет, налетаю... У меня,—ау!..

Разин [вдруг встряхнулся]. Эх, братцы! Запоем-ка мою, любимую... чтобы душу всю розняло!

Черноярец. Запевай, что ли, а мы подхватим!

Разин. Только дружно, гляди.

[Запевает]:

Ах, туманы вы, мои туманушки,
Вы туманы мои непроглядные.
Как печаль-тоска ненавистные.
Не подняться вам, туманушкам, со синя-моря долой,
Не отстать тебе, кручинушка,—от ретива сердца прочь.

Хор. Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей-пролей част-крупен дождик,
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтоб тюремнички-братцы разбегалися,
В темном бы лесу собиралися.

Разин. Во дубравушке во зелененькой,
Ночевали тут добры молодцы.
Под березинькой они становилися,
Красну-солнышку поклонилися:
Т взойди, взойди, солнце красное,

Над горой взойди, над высокою,
Над дубравушкой, над зеленою,
Обогрей ты нас, людей бедных,
Добрых молодцев, людей беглых...

Фролка. Эх, хороша песня!

Черноярец. Хороша, да не ко времени: не в тюрьму, чай, кинуты,—под самым Синбирском стоим, да и тут нас, как дорогих гостей, ждут: того гляди в колокола ударят, с хлебом-солью встречать выйдут! А отселе и до Казани рукой подать, а там—Нижний...

Алешка. А там и Москва недалече!

Черноярец. Эх, с налета города берем, с погляда,—посады да слободы!

Разин. А и впрямь, самому не верится, так катимся! Аж дух захватывает! Ровно не вверх по Волге идем, а вниз по быстрине спущаемся...

Черноярец. Эх, пей—не робей! Браги ендовà, всему голова. Сторонись душа, оболью!

Разин. И то, Ивашка, до краев наливай, да вкруг ее пустим, чтобы и впредь нам всем заодно быть, да от начатого не отступаться!

[Черноярец наполняет братину, начинающую переходить из рук в руки].

Черноярец. И то не отстанем! Ну, гляди: из полуведра, да не чаркой, а в припадочку. Пошла кругом!..

Алешка. Ишь, тебя размывает-то! С чего бы, кажись?

Черноярец. А я и все таков... Фролка, стой! Да стой, не напирай так на братину, не то четверней под лавку не поехать бы.

[Фролка совсем посоловел: глаза мутны, к потному бледному лбу прилипли жидкие волосы].

Фролка. Я-то? Не таковский!

Черноярец. Ведомо нам, каковский ты: сердце соколье, да смельство воронье!

Фролка. Да вы, братцы, надо мной не смейтесь... Я, ведь, как разойдусь—ого!..

Черноярец. Не сдержишь, что ль? Как нам тебя не знать! Ты только вид показываешь, что тихоня да скромник,— прикидываешься, а с тобой—беда!

Фролка. И то беда! Мне море по колено...

Черноярец. А лужа по уши?

Фролка. Да ты что надо мной измываешься? Вот я те покажу! Так вцеплюсь—не обрадуешься!

Черноярец. Ой, настращал! Тотчас на корячках прочь поползу... Вишь, атаман, какой у нас воин сыскался, — вели-тка ему на Синбирск приступать! Возьмет Синбирск, ставь его на нем воеводой, заместо Милославского.

Фролка. А... к чему оно мне... воеводство-то? — Нет!.. не надобно мне его...

Черноярец. Аль ты не спесив? Ну, возьми хоть город-то, чтобы было и тебе чем брату поклониться,—авось в есаулы тебя пожалует?

Фролка. А мне и в есаулы охоты мало! Чего я не видал? Мне и так ладно...

Черноярец. А и хитер же ты, Фролка! Все провести нас ладишь. Да врешь, знаем, что у самого тебя руки-то чешутся с Милославским-воеводой схватиться... Пошли его, атаман!

Разин. Что ж, Фролка, али впрямь послать?

Фролка. А что ж, думаешь, сфальшивлю? Не взять? Да? Не взять?—Так вот, возьму же! Возьму и Синбирск, и Казань возьму, и... Да только не стоит!..

Черноярец. Мараться что ль неохота?

Фролка. А чего их брать? Они и сами наши будут. И без всякого взятья....

Алешка. Чего врешь? Как так: сами?

Фролка. Сами и сами... Как все прочие: Самара... Саратов, Астрахань... И все наше будет!.. Все!.. И Казань!.. и Нижний, и Москва... все наше будет!

Алешка. Эк ты, больно расходился! Гляди,—не оборвись!

Фролка. Я-то? Ого! Я—брат... я вам всем себя докажу, каков я есть человек!

Черноярец. Пьян храбришься, а проспишься,—свиньи боишься?

Фролка. Ты вновь задираться? Вот я те так... двину!..

Черноярец [вскакивая и подойдя к Фролке вплотную]. А ну-тко?

Фролка [менее решительно]. Чего ну-тко?

Черноярец. Попытайся?

Фролка. Чего попытаться-то?

Черноярец. Двинь?..

Фролка [долго молчит, потом совсем нерешительно]. То-то... Напужался... У меня... ого!..

Черноярец. Эх ты... воин!

Разин. Брось его, Ивашка... А ты, Фролка, поди с глаз долой,—глядеть тошно. Не умеешь пить, так не пей!..

Фролка. А мне что не уйти? И вы мне не больно нужны! Какая вы мне конпания? Ишь... вовсе пьяные все... Ишь, ишь, шатает-то вас!..

[Едва стоя на ногах, Фролка тупо оглядывается и начинает смеяться своим визгливым, пьяным смехом].

Вишь... сами спьяну стол шатаете... стой! стой!.. Все враз сронишь!

[Валится с ног].

Эх!.. все покатилося!..

Черноярец. Ишь,—где привалился, там и опочивальня! Вставай, сударь Фрол Тимофеевич, поднимайся на резвы ноги,—здесь те не перина!

Фролка [пытаясь открыть глаза]. Ну?.. чего? по мне и так ладно!..

Черноярец. Пойдем, что ли,—отведу тебя, пущай ветерком хошь обдует!

Фролка [милостиво]. Ну, веди, коли так... [Покачнулся]. Да вишь, тебя самого качает... Эх ты! Пить-то не умеешь, а тоже... Ну, да Бог с тобой. [Уходит].

Алешка. Эк, упился.

Разин. Не может вовсе пить... Ровно не брат мне...

Алешка. А вот,—глуп-глуп Фролка, а невзначай все умным словом обмолвился!

Разин. Каким словом?

Алешка. А что все наше-то будет.

Разин [как бы загадав что-то]. Будет?

Алешка. Будет...

Разин. Аминь!.. Эх, Алешка! Вкруг ведь народ вздымается,— Танбовские земли, Рязанские, Воронежские, все в огне! За Оку перекинулось, слыхать, в самой Москве шумок зачинается... Весь народ за нас,—в том-то и сила наша! Чуешь ли то?

Алешка. Чую.

Разин. То-то...

ЯВЛЕНИЕ 2.

Разин, Алешка, Черноярец—входит.

Черноярец. Степан Тимофеевич,—Боба Запорожец прислал с того берега человека захваченного.

Разин. Кто таков?

Черноярец. С лица, да и по платью из начальных людей себя показывает. Тут он, в сенях дожидается. Сюда что ль вести?

Разин. Веди... Поглядим, кого нам Бог послал?

[Черноярец ушел и тотчас возвращается].

ЯВЛЕНИЕ 3.

Те же и **кн. Шаховской** входит, спокойно останавливается у порога. Открытые, смелые глаза его ищут **Разина.**

Разин. Кто таков?

Шаховской. Князь Иван Шаховской, государев окольничий.

Разин. Та-ак!.. Наслышан я о тебе, князь. Много ты со своими людьми под Синбирском наших побил, сказывают! И не побоялся после того живым нам в руки даться?

Шаховской. Я свой долг перед Богом и государем, как умел, справил. А не привел ь голову сложить в бою,—не моя вина.

Разин. Складно говоришь. Ну, садись за стол,—гостем будешь. Ивашка,—налей вина князю!

Шаховской [очень твердо, но без всякого вызова]. Садиться за стол с тобою мне не гоже.

Разин [насторожился]. Что так? Аль брезгуешь?

Шаховской. Ты—супротивник государев, я—слуга ему. Как стану с тобой из одного ковша пить?

Разин [в глазах его промелькнуло недоброе]. Смело говоришь! Да гляди, я во хмелю дурен бываю,—не мути меня по-пусту!

Шаховской. Гнева твоего не страшусь, а говорю, что мыслю...

[Вокруг раздается глухой, предостерегающий ропот].

Разин. Полно, князь, полно куражиться-то! Худо будет!

Шаховской. Чего худо-то? Голову сымешь? Так сымай: твой верх, твоя и воля.

[Молчание. Оба не отводят глаз].

Разин. Ну... видно крепок ты: не подломишься,—не таков, как другие слуги государевы!

Шаховской. Служить верой и правдой крест целовал,— на том стою и помру с тем, коли час придет.

Разин [пытая]. И не отступишься?

Шаховской [твердо, не спеша]. И не отступлюсь.

Разин. Пусть так! Да об одном поразмысли, князь: служа государю, не супротив ли всего народа идешь?

Шаховской. Полно шутки-то шутить. Государь всему голова его дело править да властвовать,— наше ему служить да его приказу слушаться!

Разин. Видно, разно мы мыслим, князь. По нашему не так выходит: государь, как и мы же, должён бы, народу служа, против его недругов встать, против бояр да воевод, да вотчинников, да свалить с мирских плеч тягло да боярщину.

Шаховской. Так затем крамолу заводить? Холопов да черных людишек на господ поднимать?

Разин. Да нешто холоп не такой же человек? Не так же ль его в муках мать рожает? Руку отсеки ему,—та же кровь потечет!

Шаховской. Так по твоему выходит,—что холоп, что боярин,—все едино? Стало, и в думу, посадить черных людишек надобно?

Разин. А что ж нет?

Шаховской. Да где же у них умишка-то скудного хватит с государством-то управляться? О том помысли!

Разин. А нешто ум-то в высокой горлатной шапке зашит что одни бояре им владеют? Полно, князь!

Шаховской. Да ведь уменье надобно!

Разин. Небольшая беда, если спервоначалу не все складно пойдет,—по-малу научатся.

Шаховской. Чудно мне речи твои слушать! Где ж то видано, чтобы черный народ наравне с боярами встал? — Да нет, не верю я, не верю в правду твою! В свою правду верю: в старую, в крепкую, что от века стоит, да и на всей земле, слышь, не повывелась!

Разин. Да открой глаза, князь, — вкруг себя глянь! Аль я вправду слеп? Поднялась волна, — большая, высокая... Грянет, — смоет все, что гнило, что на бок кривится! Темна, тесна старая изба стала,—новую пора ставить, высокую, просторную, светлую, чтобы всякому в ней жилось привольно да радостно!

Шаховской. Деды и отцы наши так жили—так и нам жить... Самим Богом тот порядок постановлен,— не тебе рушить его. А ты от Бога отступился, заповедей его не чтишь,—какой может быть правда твоя?

[Долго молчит Разин: две правды, две веры столкнулись. Потом говорит тихо]:

Разин. Жалко мне тебя, князь... Видно, и впрямь сызмала глаза твои завязаны были. А люб ты мне стал прямотой своей, да крепостью. Одумайся! Иди к нам,—великому делу послужишь!

Шаховской. Полно! Государеву делу служил и буду служить до последнего!..

Разин [молчит, думает]. Видно и впрямь у разных людей правды-то разные... И каждый в свою верит и своею живет... Ты от своей правды перед смертью не отступаешься, и полюбился ты мне тем крепко... Да только... [вдруг умолкает, потом продолжает медленно, как бы с усилием] да только кабы... сын мой родной... кровь моя... на пути моем встал... Смахнул бы его!.. Душу на двое разорвал бы,—смахнул!.. Так и тебя смахну... Прощай... поутру попа пришлю!

Шаховской [поднимает голову]. Прощай, Степан Тимофеевич! Я тебя не сужу: сам на твоем месте будь,—так же сделал бы.

Разин. Эх, князь! Нам бы с тобой одной дорогой идти... то-то ладно было бы!

Шаховской. Не судьба нам быть попутчиками: разные правды наши, сам сказывал. Да не надобно нам быть и недругами: помру завтра, да на тебя не гневлюсь за то,—вот тебе рука моя на том, Степан Тимофеевич.

Разин. Спасибо, князь... От слова своего отступиться не смею... да не забуду прямоты твоей... Ивашка!.. Отведи князя, да гляди, чтобы обиды ему какой не учинилось!.. Слышишь?

Черноярец. Ладно, как велишь, так и будет... Идем, что ли, князь?..

[Шаховской уходит, такой же спокойный и уверенный, как и вошел. Разин долго молчит, видно, как трудно ему. Алешка подходит к нему].

Алешка. Ну? Чего ты?

Разин [опускает голову]. Трудно хошь бы и на чужую правду руку свою подымать... Да что поделаешь? Не смею миловать! Слепой он, а страшнее зрячего: ядовитое семя несет в себе... Как ни тяжко... [делает усилие и выпрямляется] должен истребить его...

[Высокий, прямой, непоколебимый стоит Разин].

ЗАНАВЕС.

Картина 2.

Та же горница. Ночь. В окнах видно зарево, —красные отсветы бродят по стенам. На багровом окне четко отпечаталась неподвижная, темная фигура **Настасьи**. Сенная девка **Палашка** переминается у дверей. **Мамка Настасьи** входит,—глядит в окно.

ЯВЛЕНИЕ 1.

Настасья, мамка, Палашка.

Мамка. Ишь, как полыхает-то... Видно, опять на город огневые приметы бросать зачали,—вновь зажгли..

Настасья. Недолго им погулять осталося. Князь Юрий Барятинский с ними живо сладит!

Палашка. А намедни-то как бились! Что людей-то посекли,— что тех, что других—вымолвить страшно! Разошлись было,—нынче с утра сызнова зачали!

Настасья. Под Синбирском месяц цельный стоят, лбом о стену бьются. Да не выдал боярин Милославский, затворился в городу, отсиделся,—теперь, как подмоги-то дождался, Стеньке не сдобровать.

Мамка. Полно, Настюшка! Что ты на него так вскидываешься?.. Степан-то Тимофеевич к тебе все был ласков да милостив, ни к чему не неволил. Не того бы надо ждать от него!

Настасья. Не надобно мне, мамка, милости его... И ласки не надобно... Попадись он мне во сне, али пьяный,—своими бы руками задушила его... глаза выколола бы, чтобы и свету не видал...

Мамка. Да что ты, Настенька, грех-от какой!

Настасья. Батюшку загубил он,—матушка через то в рассудке смешалась... Весь дом наш испоганил...

Палашка. Слышь, боярышня, опять как палить зачали? Далече, а как доносит? Видно, вновь приступают!

Настасья. Добеги-ка во двор, не сведаешь ли чего? Да живо чтобы.

Палашка. Враз добегу, боярышня. [Убегает].

Мамка. Ах, страсти какие! Пойду, поднимусь наверх, на боярыню Прасковью Федоровну погляжу... что-то она, сердечная? Ох, вчуже жутко делается, как на нее-то глянешь... Вовсе не в себе... А тебе-то, Настюшка, одной тут ничего? А то, может, со мной, в светелку поднимешься, к матушке?

Настасья. Тут останусь...

Мамка. И чего это с тобой, Настюшка, сделалось, не разберу я... Ровно и ты не в себе,—все места не найдешь? С чего бы так?

Настасья. Больно зорка! Видишь, чего нет... Что раньше, то и теперь я,—все та же...

Мамка. Ох, не та, Настюшка, не та,—вижу, что не та! Глянь-ка на себя,—вовсе ты извелась... И красота уж не прежняя...

Настасья. Отстань, мамка...

Мамка. На то ли я тебя выходила, выпестовала, красавицу мою, чтобы ты так себя загубила? Аль не слышу я, как ты по ночам-то слезами исходишь, да в постеле-то до свету мечешься?

Настасья [страстно, почти с отчаянием]. Врешь ты, все врешь, старая!.. Не было того!

Мамка. Не обманешь, Настя, моего сердца тем, что днем-то молчишь, да крепишься... Сама покою не знаю через тебя...

Настасья. Полно причитать-то,—не над покойником! Шла к матушке, так иди...

Мамка. Иду, иду,—не гони... Ох, грехи, грехи! И что поделалось?.. и что еще будет? [Уходит, бормоча и тряся старою головою].

[Настасья осталась одна и вдруг, как лист, по хваченный ветром, начинает метаться по горниц Видна в ней какая-то жестокая и тяжкая борьба].

Настасья. Так ему... так ему, злодею, и надобно!.. Душегубу проклятому... Господи, да что же это Палашка-то не идет? Где она запропастилась?.. Что там-то делается—узнать бы! Да ладно! Сам людей побивал без счету, казнил, в воду сажал,—так вот пусть же теперь за всю пролитую кровь заплатит! Нет у меня к нему жалости... Нет!.. нет!.. нет!..

[Кричит,—но бессилен крик и сама не верит ему: безжизненно падают руки, вся поникает].

ЯВЛЕНИЕ 2.

Настасья, Палашка—вбегает.

Палашка. Напирают, боярышня, передохнуть не дают! Так и ломят, так и ломят!

Настасья. Кто ломит-то, сказывай?

Палашка. Да наши же, боярышня!..

Настасья. Кто наши-то... бестолковая?

Палашка. Да барятинские же люди! Так и секут, так и секут!

Настасья. А сам-то?

Палашка. Барятинский, что ль?

Настасья. Стенька,—ну? Скорей, сказывай, убит аль жив?

Палашка. Жив, да застрелен из пищали в ногу, да саблями рублен шибко! Впереди всех, слышно, бился, совсем было конец его пришел,—да слово он знает, словом и спасся! А брат-то, Фрол-то,—ни жив, ни мертв, во двор прибежал, белый весь, трясется...

Настасья. Да Стенька-то где?

Палашка. Не ведаю... того не ведаю, боярышня...

Настасья. Неужто ж они его там избитого кинули?

Палашка. Как есть, кинули!.. Страсти-то какие! Беспременно, их всех перебьют!

Настасья. Молчи, чего треплешься... [Мечется по горнице]. Беги, мигом беги на двор, девка, вызнай у Фролки, где брат? Ну, чего стоишь-то?

Палашка. Да что это, на тебе, боярышня, лица нет? Али напужалась гораздо?

Настасья [гневно]. Не твоего ума то дело, — беги, куда велят!

[Палашка делает движение убежать, но в испуге останавливается. Прислушивается].

Палашка. Слышь? Слышь, боярышня?.. Никак сюда кто идет? [Бежит к двери, заглядывает]. Ой! Несут что-то?.. Самого несут!

Настасья [бросается к двери]. Убит что ли? Убит?..

Палашка. Страсти-то какие! Убегу я!.. [Убегает].

ЯВЛЕНИЕ 3.

Настасья, Алешка с **Фролкой** осторожно вносят раненого **Разина.**

Алешка. Сюда что ль класть? Да легче ты, легче, Фролка!

Разин [говорит с трудом]. На лавку... кладите...

Настасья. Жив!..

Разин. Жив... жив, не радуйся!.. Ох, тяжко...

Алешка. Горит нога-то?

Разин. Нога—пустое... [Указывает на грудь]. А тут вот... тошно. Побил ведь нас Юшка-то Барятинский... побил ведь?

Алешка [опустил голову, под воспаленными глазами Разина]. Побил... Степан Тимофеевич...

Разин [мычит от боли]. М-м-м... Что народу-то полегло!..

Алешка. О том что крушиться! Ты жив бы остался...

Разин. Я—что!.. Не во мне сила... Они бы, те, что бьются-то еще там... не пошатнулись бы... вот, чего страшусь... Расшатаются,—все погибло... [Смолкает, тяжко опустив голову].

Фролка. Эх, брат! Сказывал я тебе,—не слушался ты меня! Вот и конец приходит. Сидеть бы дома-то...

Разин. Молчи, Фролка!.. Тебе бы все сидеть!.. Ишь, со страху-то вовсе ошалел. Иди уж!

Фролка. Да ноги-то не стоят. Подламываются... [Уходит ковыляя].

Разин. А я что, аль без памяти был, как вынесли-то меня?

Алешка. Был и без памяти.

Разин. То-то, не припомню ничего... Стой... стой... Там, от Свияги-то, сзаду-то обошли нас... загакали как... помню... А дале-то что было?

Алешка. А дале, как они со спины-то ударили на нас, наши и сдвинулись,—напужались сильно. А тут Юшка Барятинский, пес, спереду вновь навалился...

Разин. Стой! Да как же я-то тут? Бежать надо, бежать на подмогу... [Пытается подняться, ступает на раненую ногу и вновь падает]. Ох!.. силы нет...

Алешка. Куда? Весь побит, порублен,—где тебе!

Разин. Да и ты, брат, не цел вышел...

Алешка. На мне, как на собаке,—присохнет... Плечо, вишь, краем задело,—невелика царапина!

Разин. Так ты хоть беги, Алешка,—может, подсобишь чем?

Алешка. Да как же тебя-то так кинуть? Не на Фролку же?

Разин. Ладно, и так! Отдышусь!—А там всякий надобен...

Алешка. А все, коли что,—покличь Фролку-то. Тут же он, небось, где-нибудь хоронится.

Разин. С Богом, с Богом,—не мешкай!.. Да коли что недоброе,—весть подай.

[Алешка уходит. Молчание. Настасья, не отводя глаз, пристально вглядывается в лицо Разина. Разин приподнимается на лавке,—ждет, что она скажет].

Что глазами-то сверлишь? Рада, небось?

Настасья. Известно, рада! Спета песня твоя, Степан Тимофеевич! С легкой ли душой смерть-то встретишь, к ответу-то встанешь?

Разин. Много крови на мне, сам то ведаю... Может-статься, и невинная есть,—что сделаешь? Лес рубят, щепки летят...

Настасья. Молчал бы уж!..

Разин. Не малое дело вершил,—через многое переступать приходилось. Да как быть?.. Думаешь: легкую ношу несу? Каково нести,—про то один ведаю.

Настасья. Разжалобить хочешь?—Врешь,—не разжалобишь! Вот ужо схватят тебя... да на казнь поведут... да после того собакам тело твое выбросят, а они... как по косточкам-то его раздернут,—и тогда не разжалоблюсь! Голову снимут, на позорище на валу городском выставят, воронье глаза клевать слетится, а я... я любоваться приду!

Разин. Ишь, как всю колотит тебя!..

Настасья. Пущай колотит!.. кипит все внутри,—не сдержу, так ненавистен ты мне... Не веришь?.. неправда то, думаешь?.. Так вот правда же!.. правда!.. правда!..

Разин. Да пошто тревожишь-то себя так?

Настасья [в исступлении]. Извелась вся от ненависти лютой... по ночам не сплю... ты все видишься... и так ты мне противен... так противен!.. [Вдруг замечает кровь]. Гляди-ка... Нога-то у тебя... в крови ведь вся!..

Разин. Пустое...

Настасья. Как пустое,—ручьем бьет?.. Перетянуть бы чем?.. [Хватает подскатертник, разрывает его]. Хоть этим покуда, а там... [Встает на колени, перевязывает рану Разина].

Разин. Пошто стараешься, коли смерти моей хочешь?

Настасья. Пошто стараюсь?.. Пошто?.. Да изойдешь кровью,—своею смертью помрешь... Хочу, чтоб насмеялись над тобою, как в муке предсмертной извиваться станешь...

[Шопот ее, страстный, напряженный, всколыхнул Разина].

Разин. А что, коли и впрямь к тому дело клонится? Коль и впрямь наша песня спета? Стой... стой,—молчи!.. Вишь, вон звезда с неба покатилася?.. Видела?..

Настасья. А что из того? Как осень, то и всё они падают.

Разин. А что... коли моя то звезда? Высоко стояла... горела ясно... скатилася... Что ж? Себя не жалко... Коли все дело

рушилось,– вот что непереносно! Не дай Бог дожить до того... А что ежели и впрямь так? Ежели все тут вот... под Синбирском-то... загублено?

Настасья. Да ты что?.. Али заговариваешься?

Разин [смотрит перед собой не отрываясь]. Загублено... и возврата нет...– [С силой срывает повязку]. Так прочь ее!.. прочь!.. Пусть течет кровь... пусть вся вытечет... чтобы не видели глаза мои... как все врозь рассыпется!..

Настасья. Пошто сорвал перевязь? И, впрямь, кровью изойдешь?

Разин. Пущай изойду!.. Пошто жить, коли все прахом пошло, пылью развеялось?.. Нет силы жить, коли так... не хочу... не стану... жить... не стану... не стану...

[Впадает в беспамятство, стихает].

Настасья. Что это?.. Не помер ли?.. И то, помер, никак?... Господи, что же это?.. Палашка!.. Мамушка!.. Что это, куда все подевались?.. Как быть-то теперь?.. Как быть-то теперь?... Мамушка!.. Палашка!..

[В отчаянии убегает в сени. Молчание. Разин лежит неподвижно. Неслышно в горницу входит темная фигура женщины. Движения ее и голос тихи и странно-неуверенны, точно она все время к чему-то прислушивается].

ЯВЛЕНИЕ 4.

Разин и боярыня Языкова.

Языкова. Меня, что ль, дочка, ты кликала? Сказывают, не в себе я, а я все слышу... все вижу... все разумею... в полной памяти... Настя... ты где?.. Нету... ушла, видно... А это кто же лежит-то?.. Упокойничек?.. [Начинает тихонько всхлипывать]. Родименький!.. Как хорошо-то тебе... лежать-то... А мы ходи... разговоры веди... мучайся... Вишь—кровь... куда ни глянь,—кровь... и на нем кровь... и вокруг красно, куда ни погляжу...

Разин [медленно приходит в себя]. Кто со мной?

Языкова. Очнулся... бессчастненький... А пошто? Не на радость, не на радость глаза ты открыл... голубчик...

Разин [в страхе]. Кто бормочет здесь?

Языкова. Родименький... не на радость... на горе глаза ты открыл... ходить надо... говорить...

Разин. Кто ты... старуха?.. Отколе взялась?

Языкова. Крови-то... крови-то что... И на тебе кровь... и куды ни глянь,—красно... Ох, пришла напасть... навалилась... не избудешь ее... не избудешь, родименький...

Разин. Да что ты? Что ты, старуха?.. Бред ты мой, что ль?.. али навожденье то?.. Чего ухмыляешься? Пошто головой трясешь?.. Не смей... Не смей ухмыляться так!.. не смей!..

Языкова. Напужался?.. напужался, родименький?

Разин. Не смей ухмыляться!.. не смей!.. Ох, худо как...

Языкова. И то, худо... родименький... все рушится... все, что строено... Помереть лучше... помрешь... ляжешь спокойненько... ничего-то не видишь... не услышишь боле... а то все рушится...

Разин. Ты что?.. Пророчить?.. Пророчить вздумала?.. Уходи, проклятая!.. Уходи, во имя Бога живого... уходи... [Вновь забывается].

Языкова. Глаза закрыл... затих... Так-то и лучше... родименький... и лучше так-то... и не открывай... помрешь,—и хорошо... и ходить не надо... и говорить... а то кровь... куда ни глянь,—горячая... красная...

ЯВЛЕНИЕ 5.

Разин, Языкова, мамка—поспешно входит.

Мамка. Матушка!.. Прасковья Федоровна! Когда же ты ушла-то, проглядела я, сон видно сморил дуру старую... Пойдем, матушка, пойдем, боярыня... Я тебя отведу... спать положу... О, Господи-батюшка!

ва. Вишь, мамка... вишь, упокойничек тут... лежит... и головушка свесилась... хорошо ему... сладко...

Мамка. Что это? Да и впрямь, никак, лежит кто? Сам никак?..

Языкова. Лежит... и горя ему мало... Сказывают, не в себе я... а я все вижу... все разумею... в полной памяти...

Мамка. Пойдем скорехонько, матушка, пойдем, боярыня... Ох, страсти какие!..

[Уводит Языкову,—та все бормочет. Запыхавшись в полном отчаянии вбегает Настасья).

ЯВЛЕНИЕ 6.

Разин и **Настасья**.

Настасья. Что же это, Господи? Весь дом — ровно вымер... и куда все подевалися? [Бросается к Разину]. Жив что ли? Не дышит... Голубчик ты мой... свет ты мой!.. Не видала я допрежь того таких-то,—увидала—и сердца не сдержу... не слажу с ним... Ровно дуб, промеж людей ты выдался... Хоть мертвые губы-то твои поцелую... на мертвую грудь припаду... Слышишь ли... Слышишь ли ты ласку мою, сокол мой мертвый?

[Рыдает неистово над телом Разина. Разин тихо стонет].

Что это? Никак застонал? Неужто жив?.. Господи!..

Разин [с трудом]. Ты... что ли, боярышня?

Настасья. Я, Степан Тимофеевич, я, голубчик.

Разин. А мне... сон привиделся... Аль в бреду я был,—не знаю... Пророчество было мне...

Настасья. Что говоришь-то? И впрямь, в бреду, никак?

Разин. Глянь-ко, нет ли кого в углу там?

Настасья. Кому там быть? Полно, голубчик...

Разин. Стало, привиделось... Да ты что, боярышня? Глядишь-то как? И в лице вся переменилась? Аль напужал?

Настасья [отводя взгляд]. И то напужал... в себя не приду.

Разин. То-то гляжу... ровно не та, что была ты...

Настасья. И впрямь не та... вот... вот уходит сила... не могу крепиться доле... Сполохнулось все во мне... бьется... тут вот бьется... ровно птица крыльями... вот... вот, вылетит,—не удержишь...

Разин. Да чего ты? Аль в голове у меня туман,—не разберу, что говоришь?

Настасья. Не видишь... Аль не хочешь видеть?.. Что ж, ладно... Стисну зубы... молчать стану... слова не пророню... слезинки не выроню...

Разин. Да полно те... гляди бьет тебя всю... пойди, ляг,—сном все разойдется...

Настасья. Эх, кабы разошлось-то... Да нет, глубоко запала, неуемная, лютая... грызет... гложет... Да не гляди ты на меня,—неистовая я, сама не помню, что говорю!.. Теснит тут вот... теснит... дышать трудно... Да пошто борю-то себя... пошто ломаю? Все скажу,—легче станет... Слушай же меня, слушай, что скажу тебе... слушай...

[Быстрые шаги и голос Черноярца прерывают неистовый шопот Настасьи,—и обессиленная, точно истерзанная, она вся сразу поникает].

ЯВЛЕНИЕ 7.

Разин, Настасья, Черноярец.

Черноярец. Атаман!.. Где он тут? Атаман?

Разин. Ивашка, ты?.. Что там,—скорей сказывай?

Черноярец. Беда! Подались наши,—только станичники старые и бьются еще, почитай, а прочие все вовсе смешались!

Разин. Выдали, стало?.. Стой, Ивашка!.. Что делать теперь? Как дело поправлять будем?

[Разин весь собрался, готовый к отпору, к борьбе, вновь крепкий и сильный, негнущийся].

Настасья. Ишь, встрепенулся весь!.. откуда и силы взял?

Черноярец. Что посадские, что городские людишки, что татарва с черемисами,—все сдали!.. непривычны, видно... напужались...

Разин. Мешкать некогда, не то все в конец загубим! Стой! коли отходить начнем, — Барятинский нас к Свияге притиснет,—там нас встретят тоже не с милостью,—всех перебьют...

Черноярец. И костей не соберем...

Разин. Стало, надо на стругах по Волге уходить: вниз пойдем шибко, по суху не нагонит!

Черноярец. Стругов нехватка будет,—всех не поднимут...

Разин. Не поднимут? Как же быть-то?

Черноярец. А как быть? Ведь пришло,—либо петля надвое, либо шея прочь! Один исход: садить на струги старых станичников, что покрепче, самим садиться,—и поминай, как звали!

Разин. Да что ты, очумел? А тех-то, что мы же подняли, да под Синбирск с собой привели.—Юшке Барятинскому на расправу бросить, так что ли?

Черноярец. Что делать-то, атаман? Лучше же сотни положить, да всего в конец не рушить. Дойдем до Самары, до Саратова ли, дух переведем,—с новой силой под Синбирском встанем!

Разин. А как людям после того в глаза глядеть стану? Совести-то хватит ли? Полно! Не тебе такое плести, не мне слушать! С места, где лежу, не сдвинусь...

ЯВЛЕНИЕ 8.

Разин, Настасья, Черноярец, Алешка [поспешно входит].

Алешка. Степан Тимофеевич! Атаман!

Разин. Ну? Чего еще?

Алешка. От Свияги страсть напирают, сдавили вконец, уходить надобно, а то все прахом пойдет!

Разин [сумрачно]. И ты говоришь,—уходить?

Черноярец. Послушай меня, Степан Тимофеевич... Я смерти не страшусь, сам то ведаешь! Бились мы честно,—вишь, все как есть, посечены, постреляны, живого места нет. А что толку, коли теперь погибнем попусту? Говорю: сами

пропадем и все дело порушим. Один исход, стало, и есть: на струги, да паруса по ветру!

Разин. Нет иного исхода?

Черноярец [твердо]. Нет!

Разин. Алешка?

Алешка. Нет, атаман...

[В то же время в сенях слышен топот бегущих ног и дикие, сиплые голоса,—обезумевшая от страха ватага вваливается в горницу].

ЯВЛЕНИЕ 10.

Те же,—посадские, татары, холопы, черемисы.

Голоса: Где атаман? Тут, что ли? Давай его нам сюда!

Черноярец. Что вы, ополоумели? Тут атаман!

Посадский. Куда завел нас? Со всех сторон княжие люди приступают, куда ни кинемся,—вконец одолевают!

Татарин. Сюда бежал—секут, туда бежал—секут, спереди, сзади секут! Как быть? Куда голова нести?

Алешка. Сполошился? Весь свой татарский спокой растерял, худая башка?

Разин. Полно, ребята,—Бог не без милости!

Голоса: Чего толковать?—Сам под беду подвел, сам и вызволяй! Сманил, прельстил, а теперь: „полно"!..

Татарин. Смерть пришел,—помирать надо,—очень плохо!..

Алешка. Полно голосить-то!

Посадский. А чего,—глядеть, что ли? Ждать поколе всех нас Юшка Барятинский лихой смертью истребит?

Голоса [Разину]. Вставай, что ли?—Сам завел, сам кашу заварил,—сам и расхлебывай!.. Поднимайся!..

Алешка. Сдурели вы? Иссечен весь атаман, кровью исходит, а они накося: вставай! Я встану вам!.. Прочь пошли отселе!.. Ну?.. Поворачивайся...

Голоса [слегка притихшие]. Да ты чего лаешься? Нешто мы с худым пришли?—Уйдем, коли велишь...

Алешка. Поджали хвосты-то... горластые...

[Ватага медленно и недовольно, гудя голосами, уходит. Молчание. Все подавлены].

Разин. Слабы люди, легко пригнетаются... Как быть-то, Алешка?

Алешка. Как быть? Вишь, смельство их какое? Их на струги садить,—они и струги-то перевернут, как кинутся. Друг дружку передавят. Сказывает Ивашка: сбирать своих, да и уходить!

Черноярец. Тронулось яблочко,—из кучи выкидывай, не то и все загниют.

Разин. Видно, и впрямь, так тому и быть. Тяжко людей на растерзание зверю кидать... вот, как тяжко... Да не ради себя, не ради своего живота то делаю.

Алешка. Ну, а коли так, так сбираться, да и в путь!

Черноярец. И то, засиживаться не след! Вставай, атаман, с Богом! Да не крушись,—авось выгребем...

Разин. Не смерти страшусь, Ивашка... Те-то вот, что тут были... что вопили-то, что дух весь растеряли,—вот, что страшно. Вот где погибель наша... Идем что ли...

[Разина, поддерживая, уводят].

Настасья. Ушел... не глянул... слова не сказал!.. Крепись, Настасья... молчи... зубы стисни... крепись...

[Тяжело дыша, стоит неподвижно, только огромные глаза не отрываются от двери].

ЯВЛЕНИЕ 11.

Настасья, мамка—входит.

Мамка. Что это? Никого нет, никак? Настенька, ты что ль?.. Да что же ты молчишь?.. Что ты, ровно каменная сделалась? Настя!.. Настя!.. Настенька!..

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ IV.

Хата зажиточного казака Степана Севрина, в Ведерниковской станице. В окна лезет весеннее южное солнце, горячее, ласковое. Бесконечны степи, широк разлившийся Дон. Жена Севрина, Прасковья, чинит рыбачью сеть. Сам Севрин сидит на лавке под окном. После III действия прошло полгода.

ЯВЛЕНИЕ 1.

Севрин, Прасковья.

Севрин. Эх, дух сладкий какой! Весна-то ладная. Дон, что твое море! Вишь, на Никиту лед-от прошел,—лов, стало, хорош будет...

Прасковья. „Лов... лов!..“ Расселся,—нет, чтобы подсобить...

Севрин. Баба!.. Какое твое право казаку указывать? Знай сверчок свой шесток!

Прасковья. Казак—тоже... Казаки-то, слышь, под Черкасск с Разиным вновь ходили из Кагальника, а нонче, сказывают, на Волгу опять сбираются. А ты, почитай, всю зиму на печи пропрел, да и теперь с места не сдвинешься...

Севрин. Охота была самому голову в петлю класть,—вновь Синбирской каши хлебать! Сказываю тебе: спета Стенькина песня; все от него отметнулись,—только что не один остался...

Прасковья. Давно ль он у тебя Стенькой-то стал? А кто тебя из голытьбы выволок? Кто на землю посадил? И именьем, и добром не по заслугам жаловал?

Севрин. Жаловал! Скажет... Сами мы добычу промышляли, сами и дуванили.

Прасковья. Ишь, отростил пузо-то, набил мошну тугую, так над ним и не каплет... А туда же: „казак“!..

Севрин. Прасковья! Вот я нагайку возьму,—тогда небось разберешь, казак я, аль нет?

Прасковья. То-то вот,—нагайку... Видно, с бабой тебе только и воевать... Был бы ты человек, не сидел бы здесь, не отступился бы от Разина, как прочие! Будь я мужик, показала бы я вам, как без страху на смерть идти!

Севрин. Ох, Параска, дотреплешься ты своим языком дурьим... Недалече Косогов с рейтарами своими стоит, того и гляди у нас в Ведерниковской будет! А знаешь, как государевы слуги за такие речи расправляются? Крючьями тело дерут, а то руки да ноги поотсекают, к доске гвозьями приколачивают... Погляжу, что тогда запоешь...

ЯВЛЕНИЕ 2.

Те же и **Фенька** вбегает.

Фенька. Мамынька! Мамынька! На станицу, слышь, двое казачков заехали,—разинские, сказывают! Один-то стрелен, видно... Во все дворы стучатся, да слышь, никто не пущает... От царской погони ушли, сказывают!

Прасковья. Где они?

Фенька. Да к Кривулиному двору подошли теперя. А Кривуля из окна кричит: мне-де впустить вас негоже, за то ответ держать придется.

Севрин. Ведомо,—своя рубаха ближе к телу всякому.

Прасковья. Молчал бы уж,—младенца бы посовестился! Беги Фенюшка, беги, доченька, зазывай к нам заезжих. Грех ведь то, людей на погибель оставлять.

Севрин. Да ты, баба, вовсе ополоумела?.. Фенька! С места сойти не моги, а не то я тебя!

Фенька. Батюшка, да как же так? Ведь разинские же?

Севрин. Чего хнычешь? Вот я те спину-то заголю,—узнаешь разинских! [Прасковье]. Ну, девченка дура, дура и есть. А уж тебе-то пора и в рассудок войти!.. „Беги, беги!“— я те так побегу, ног не унесешь...

Прасковья. Ах ты, бесстыжие твои глаза! Вот, сразу и видать, что не прямой казак, а из беглых... Что глядеть-то на него! Фенюшка, беги, касатка, кличь к нам во двор, детынька,—ничего!

Фенька. Мигом зазову, мамынька. [Стремглав убегает].

Севрин. Да ты что, меня решитЪ ладишь? Небось, коли что, не с тебя спросят,—с меня же: ты, скажут, дому голова!

Прасковья. Не бойсь, за тебя хорониться не стану! Я всему причина—с меня и спрос.

Севрин. То-то... А я ничего знать не знаю! Мое дело сторона.

Прасковья. Ладно. Ступай-ка да ворота раствори,—подходят никак!

Севрин. Сама зазывала, сама и растворяй, а я не стану.

Прасковья. Тьфу!.. Прости Господи. [Уходит].

Севрин. Эк, полудурье-то! Потрепала... Поведут под ответ,— расхлебывай, не расхлебаешь... Ох, Господи!..

Голос Прасковьи. Сюда, голубчики, сюда...

Севрин. Голубчики!.. Покажут тебе ужо... голубчиков... Смела до сроку-то, а там вот погляжу я...

Голос Черноярца. Коней-то не расседлывай,—того гляди,— на след наш вновь нападут, да сюда за нами будут, вновь припускать придется!

ЯВЛЕНИЕ 3.

Севрин, затем входит **Разин**, с завязанной головой, за ним **Черноярец** и **Прасковья**. **Фенька** жмется у двери.

Черноярец. Ну, теперь ушли,—авось не нагонят!.. Да Алешку те с седла сняли,—не охнул...

Разин [измученный, весь в пыли]. А Фролка, кажись, сам им встречу повернул... пес!..

Чернoярец. Спокается! Не помилуют... Эх, тебя-то как вновь испакостили...

Разин. То не беда... Алешку жалко...

Чернoярец. Как не жалко... Да слезами горю не поможешь...

[Видит остолбеневшего от страха Севрина].

А это кто же, хозяин, что ль? Стой? Севрин?.. Ты что же молчишь?

Севрин. Я-то... я... ничего...

Чернoярец. Да ты что ровно овца ошалелая стоишь-то? Аль и ты напужался? Аль не признал? Сам атаман к нему в гости, а он к месту прирос,—не сойдет?

Прасковья. Батюшка, Степан Тимофеевич, ты ли это, светик? Привел Господь и мне тебя своими глазами увидать!

Разин. Спасибо на ласке твоей, хозяюшка... Да Степан-то, видно, гостям не рад. Аль тоже от меня отметнулся, как прочие? Вишь, Ивашка: как в прошлом годе нас Юшка Барятинский побил,—все прахом пошло...

Чернoярец. Все вновь сберем, Степан Тимофеевич. Ино горько проглотишь, сладко выплюнешь!

Разин. Эх, кабы так-то... Да не могу тому веры дать—не смею...

Чернoярец. А чего? Была б удача—а дни впереди! Чего крушиться? Прибило к берегу, на мель выкинуло,—подымется волна, сымет: вновь на стержень выгребем!

Разин. Пошто себя зря надеждой подманивать? Пора на правду прямо глянуть,—чего жмуриться? Вишь, вон стоит и глаз не кажет: товарищ был, не один год вместе ходили,—теперь от нас же шарахается, что конь глупый от стога... И все так-то...

Прасковья [Севрину]. Что? Совесть-то не зазрит?

Севрин. Да что ж... Степан Тимофеевич... Сам ведаешь, как расправляются с нами государевы воеводы... которых на кол сажают, которых вешают. В одном Арзамасе, сказывают, в недолгий срок Долгорукий боле десяти тысяч народу-то истребил... По канавам кровища бежала... Легко ли? Нехотя отступишься.

Разин [сквозь зубы, почти со стоном]. Душегубы проклятые!..

Севрин. А легко ль на пытку идти?.. Да и было бы за что... А то,—видимое дело: все повалилось, не поднять вновь.

Разин. Слышь, Ивашка, слышь, что говорит-то он? Не того страшусь, что за нами погоня по пятам идет, не того, что на Москве митрополит да попы меня анафемствуют,— слов таких, вот чего страшусь: в них погибель наша!

Черноярец. Полно, атаман, ослаб ты. Крови вишь как много выпустил,—то и мутит тебя.

Прасковья. И то, гляди-ко-ся, голубчик ты мой, весь как есть в кровище измазался. Куда стрелен-то?

Разин. Пустое,—руку зацепили.

Фенька. Ах, страсти какие. Убегу я!.. [Убегает].

Черноярец. Ослаб ты, атаман.

Разин. Ослаб, Ивашка... да телом ослаб,—не духом. Духом же, как и был, крепок! Потому, в правду свою как верил, так и верю... Да вижу: не в нас она исполнится,—а, может, в детях наших, аль внуках, а, может, и еще дале... Мы свое совершили: ударили в колокол,—загудел первый, сполошный зык, прокатился по степям, по равнинам, по всей земле отдался. Заголосили леса, просторы откликнулиеь, всколыхнуся, пробудился народ,—ничего, что ночь черна, ничего, что до свету далече,—пробудился, не уснет боле! Другие звонари на место нас придут, станут било раскачивать,—красную зарю своим звоном предвещать... А мы... свое сделали... Пора с колокольни долой!

Черноярец. Да пошто помирать-то?

Разин. А жить пошто? Чтобы как зверя травили? Видал как псы по следу идут, гонятся... А то наверх, к государю идти, милости просить, прощенья выкланивать? Прости, мол, государь, нас, злодеев твоих, согрешили,—ныне каемся?

Черноярец. Ну!..

Разин. Что зубы-то стиснул? Ведь не станешь? Не станешь же?

Черноярец. Сам ведаешь...

Разин. То-то... ведаешь!.. А коли так, пошто глаза-то себе завязывать? Ну, пришел конец,—стало, надобно стретить его без страху,—не сморгнем, чай, перед смертью-то: видывали!

Черноярец. Так не самим же нам им в руки даваться?

Разин. Пошто самим? Пущай берут, коли сила их,—только с места не двинусь... А даром себя не отдам.

Севрин. Голубчик, Степан Тимофеевич... И ты, Ивашка,—чего задумали-то вы? Ведь застигнут вас, застигнут вас на дворе у меня,—ну, и шабаш! И вам конец, и мне с животами моими... Пошто меня-то сгубить хотите?

Черноярец. Сполошился,—эх, ты!..

Севрин. Да как же не сполошиться-то? Под экое лихо подводишь.

Прасковья. Молчи уж, горе мое, полынь горькая.

Черноярец. Душа-то у тебя холопья, погляжу я... [Разину]. О чем раздумался, атаман?

Разин. Эх... притомился я... ко сну клонит...

Прасковья. Пойдем, родимый, я тебя отведу, спать положу на сеновале.

Разин. И то заснуть пойти... [Смотрит в окно]. Гляди-ко. Дон-от разлился... степь в цвету вся... Алешка-то лежит там и ладно ему: ништо... Хорошо на воле-то лежать... Ну, веди что ль, хозяйка, на сеновал твой!

Черноярец. И то проспись: ночь матка, выспишься,—все гладко.

[Разин и Прасковья уходят].

Севрин. Эх, дела... А что, погоня-то далече за вами осталась?

Черноярец. Далече,—не угонятся. Сам Корнило Яковлев по следу шел,—вот-вот настигнет, думали... да кони-то добрые: вынесли!

Севрин. А все, как-бы не нагрянули?

Черноярец. Чего больно опаслив стал? Ты ль с нами в походы-то ходил? Аль запамятовал, как персиян да махумедан колотили?

Севрин. Так то... когда было?.. А теперь глянь-ко-ся... и землица... и достаточек... хозяйство все... Ну, как все прахом пойдет,—легко ли?

Чернонрец. Зажирел? Видно, и впрямь, богатство-то людей вяжет... Эх, деньги—забота, кошель—тягота! Вишь вот я: ничего не страшусь...

ЯВЛЕНИЕ 4.

Те же и **Прасковья**.

Прасковья. Отвела, на сенце уложила, пущай поспит.

Черноярец. Ишь, глянь-ка на бабу свою: вот казак! Так ли, хозяюшка?

Прасковья. Да уж не подамся, коли что...

Севрин. Дура она, дура круглая! Что ей? Много она смыслит. Да не дай Бог, нападут на след,—вот и пропали мы...

Прасковья. Ну, пропали и пропали! Эка беда... Люди за нас же стояли, за нас свою кровь лили, а чуть незадача,— и в сторону, и ворота на щеколду?

Севрин. Вот, брехать-то горазда,—терпенья моего нет!

ЯВЛЕНИЕ 5.

Те же, **Фенька**—вбегает.

Фенька. Мамынька! Мамынька! Казаки на станицу входят,— видимо-невидимо, пылища столбом стоит. Глянь-ко, подь!

Черноярец. Казаки? Не за нами ль погоня то?

Севрин. Ну вот, как сказывал я, так и сталося! Беги, беги, тащи его с сеновалу-то,—пущай садятся на коней, благо под седлом,—да отваливают!

Прасковья. Полно... Не за свою шкуру дрожать, о людях думать надобно.

Черноярец. Стой! [Феньке]. Далеко ль погоня-то?

Фенька. Да у самой околицы была,—должно, вошли уж!

Черноярец. Ну, стало, мешкать нечего. Беги, отвяжи коней-то! [Фенька убегает]. Слышь, хозяйка,—так ладить будем: атаману все одно не уйти, и так через силу в седле-то держался, — ослаб больно. Ты, Степан, на атаманова коня садись, да со мной на утек! Увидит Корнило,—двое уходят, — вслед припустит... Отведем их отселе,—атаман цел, сами уйдем, опосля за ним вернемся... а там, что дале,—видно будет!

Северин. Да ты что? Что ты надумал-то? Пошто меня сгубить хочешь?

Черноярец. Не время лясы-то точить. Делай, что сказываю!

Северин [Прасковье]. Через тебя все — надо было во двор пущать!

Прасковья. Иди, что ль! Велят, так иди...

Черноярец. Ну?

Северин. Да иду уж, иду. О, Господи!..

Черноярец. Прощай, хозяйка, жди ужо!

Прасковья. Буду ждать! А атамана не выдам. Спокойно езжай.

Черноярец. Сам то вижу! Ну, авось и на сей раз вынесет.

[Уходит с Севриным. Прасковья остается одна, идет к окну].

Прасковья. Пронеси, Господь, спаси и помилуй! Ишь, Степана вперед себя пустил. Ну, поскакали...

ЯВЛЕНИЕ 6.

Прасковья и **Фенька** вбегает.

Фенька. Мамынька, вся-то сила за батюшкой да за тем ударилась, да четверо, слышь, остались, на наш двор никак заворачивают!

Прасковья. К нам?.. Ну, смотри, доченька, смотри, лапушка, коли станут пытать да выведывать,—ничего, мол, знать не знаю!

Фенька. Уж я, мамушка, ни-ни!

Прасковья. То-то же! А то беда, как спознают, кто у нас на сеновале-то! Ой, глянь-ко,—на стол-то крови натекло! Сотри скоренько чем,—а не то замой,—не дай Бог заприметят?

Фенька. Враз все сделаю! [Хватает тряпку и затирает]. Гляди-ко, совсем и не признатно!

Прасковья. Ну, и слава те, Господи.

Фенька [у окна]. Мамынька, глянь, во двор въезжают! Ей-ей въезжают!.. А сенничок-то, глянь, не заперт,—вовсе настежь стоит!

Прасковья. Не заперт? Ну, не беда! Коли так раскрыт, им и не вдомек, что там схоронен кто...

Фенька. Ох, страшно-то как... А вдруг сыщут?

Прасковья. Полно, ясынька, полно! Молчи, знай!

Фенька. С коней сошли... В избу идут...

Прасковья. Давай-ка тряпицу-то, — в крови вся... под печку кину... Ну, Господи благослови!

Голос Корн. Яковлева. Ну, теперь ему, вору, от нас не уйти! Враз настигнут. А Фролку так связанного и держать, глаз с него не спущать.

ЯВЛЕНИЕ 7.

Те же и **К. Яковлев** с **Михайлом Самарениновым** [входят].

К. Яковлев. Кто здесь хозяева, во дворе в этом?

Прасковья. Я, батюшка, хозяйка, я... Чего надо?

К. Яковлев. А как звать?

Прасковья. Севрины мы, казаки.

К. Яковлев. А муж где? Али вдовеешь?

Прасковья. Жив муж-то, да в отлучке... на промысле—на рыбном, вишь, промысле... муж-то...

К. Яковлев. Меня знаешь ли?

Прасковья. Отколе мне знать тебя? Впервой вижу...

К. Яковлев. Корнило Яковлев я, войсковый атаман. Слыхивала?

Прасковья. Как не слыхивать, батюшка,—слыхала.

К. Яковлев. То-то... Отвечай же, что спрашивать буду, да чтобы по совести, а не то,—гляди у меня!

Прасковья. Чего мне, батюшка, с какого лиха душой перед тобою кривить? Все скажу, ничего не потаю...

Фенька [испугалась]. Мамынька, чего это ты?..

Прасковья [отмахиваясь]. Доченька-то моя—несмышленочек вовсе—напужалась, вишь, чужих-то людей. Полно, детынька, никто нас не обидит, никто!..

К. Яковлев [очень простодушно]. А чего бы ей пужаться-то? С виду—не из пугливых, будто?

Фенька [тихонько матери]. Как же мне молчать наказывала, а сама,—ничего не потаю, говоришь?

[Корнило насторожился].

Прасковья. Ах ты, Господи! Да ведь то... при чужих велела молчать-то, а то свои... Беги, беги во двор, Фенюшка,—чего тебе в избе толочься!

К. Яковлев. Стой! Путаешь что-то, баба! Да меня не скоро проведешь. А девченку не отсылай,—вижу: с глаз моих сбыть хочешь! У младенца, мол, что на уме, то и на языке. [Феньке]. Ну-тко подь сюда! Поближе... а ну, поближе... Тебя как звать?

Фенька. Фенькой звать.

К. Яковлев. Ишь ты?.. Фенька?.. Что ж, это ничего... Ты, Фенька, не таись передо мной: вишь, мать-то сказывает: свои мы,—свои и есть! От нас худа не будет. Скажи-тка, кто это со двора от вас двое съехали?

Прасковья. Откуда ребенку малому знать то, батюшка?

К. Яковлев. Молчи, хвостом след не заметай,—успеешь набрехать-то! [Феньке]. Ну, сказывай... Да что на мать-то глядишь,—не видала? На меня гляди,—не на нее!

Фенька. Кто съехали-то?.. А знать не знаю, ведать не ведаю,—спроси у мамыньки.

К. Яковлев. Ишь... Мала-мала, а уж лукавить да двоедушничать научена. Лисья порода—в мать пошла...

Прасковья. Полно, батюшка, что на дитю напущаешься? Вдомек ли ей всякое дело знать? Беги на двор, Фенюшка, беги, знай!

К. Яковлев. Сказано,—пущай в избе остается... Ну, девченке не ведомо, сама сказывай: кто со двора твоего съехал?

Прасковья. Да казаков двое, не нашей станицы какие-то... Заехали во двор, воды испить просили, ну я вынесла... испили, да дале и поскакали... Знать дело какое спешное...

К. Яковлев. А каковы из себя?

Прасковья. А вот ни к чему,—не заприметила...

К. Яковлев. Будто бы? Ишь ты!

Прасковья. Да один-то как будто большой такой из себя и голова замотана... а другой...

К. Яковлев [живо]. С головой-то, большого-то, допрежь того не видывала?

Прасковья. А вот не упомню... Кажись бы, нет? Нет, не видывала,—нет и есть! Рожа-то такая богомерзкая...

К. Яковлев. Та-ак... Складно врешь! Заметай, заметай,—авось, провrешься.

Прасковья. Пошто пытаешь, коли веры моим словам не даешь? С малу не врала, через что теперь брехать по пусту стану?

К. Яковлев. Ишь ты... праведница! [Указывает на угол, где сидел Разин, строго спрашивает]. Там что у тебя?

Прасковья [встревожилась]. Да что?.. Угол, чай, красный!

К. Яковлев. А в углу что?

Прасковья. Эк, пристал... Что в углу? Угол—угол и есть... Чего тычешь то?

К. Яковлев. Лик Господень в углу, баба,—перед ним грешишь! Что на том свете за то будет, знаешь?

Прасковья. Ах, ты про то... Так не вру же... сказала: не вру.

К. Яковлев. Ну, ладно... Все едино, они от нас не ушли. Нагонят,—сюда же приведут. Погляжу, как тогда повертишься... А мы у тебя передохнем, покудова... Садись, что-ль, Михайло...

Самаренинов. И то сесть. [Садится за стол]. Да что это? Вся лавка в крови? Да вон, и под лавкой кровь!

К. Яковлев. Кровь? Кровь и есть... Девченка, как тебя? Фенька, что ли? Отколе кровь? Чья? Не запирайся,—сказывай. Да не хоронись, не хоронись за мать-то! сказывай, что велят!

Фенька [подумав]. Мамынька, отколе кровь-то?

К. Яковлев. Эка, бес девченка!

Прасковья. Да что ты на девчонку-то зря вскидываешься? Ишь, как осинка, дрожит вся... Куру я давеча резала... куру... вот, крови-то, видно, и набежало...

К. Яковлев. Ладно ли заприметила? Куру,—не петуха ли?

Самаренинов. Вовсе дура баба,—сразу видать! Да кто ж в избе куру-то режет? Да в красном углу?

К. Яковлев. А кровь-то вовсе свежая... Видно и ощипать ту куру еще не успела ты,—ну-тко, покажь мне ее!.. Слыхал я: у вас, на Ведерниковской станице больно велики куры-то...

Прасковья. Пойдем, доченька, принесем куру ему,—пущай любуется.

К. Яковлев. Девчонку не уводи,—мы с ней не соскучимся. Ну, что встала? Иди, не отвертишься! [Прасковья уходит]. Ну-тко, Фенька... подь-ка сюда. Да не бойся,—я ведь добрый, я ведь так, на смех матку-то стращал... Тебе сколько годков-то?

Фенька. А знать не знаю, ведать не ведаю...

К. Яковлев. И того не знаешь?.. Больно хитра ты, как погляжу. Да и я не глуп... Хошь, скажу, кто у вас гость-от был?

Фенька. А тебе отколе знать?

К. Яковлев. Стенька Разин, вот кто! Что рот раскрыла?

Фенька [нерешительно]. А... вот и не он... и не он, и не он... Ей-ей, не он... Чего пальцем грозишь-то?

К. Яковлев. Вишь, дурочка, все я знаю, а и не серчаю,— чего мне серчать? Был и был... А ты да мать врете по-пусту, Бога гневите. Ведь чай, все видела,—и как куру били видела, да сказывать не хотела? Так ведь?

Фенька [со слезами]. Ну... видела...

К. Яковлев. А какая кура была, черная аль белая?

Фенька [хныча]. Ну... белая...

К. Яковлев. Да чего хнычешь... А верно ль заприметила? Точно ль белая?

Фенька [почти ревет]. Ну, верно... Да чего пристал—я к мамке убегу!..

К. Яковлев. Чего бежать? Умница ты, кто тебя обидит. Я ведь шучу все,—все шучу,—ты не бойся меня,—я веселый. Ну? Чего ревешь-то?

Фенька. Н-не зна-аю... Страшно мне.

[Ревет в голос].

ЯВЛЕНИЕ 8.

Те же и **Прасковья** [кладет на лавку курицу].

Прасковья. На вот, любуйся, коли не видал... Вишь, девчонку только в слезы ввел! Младенца и того не пожалел!

К. Яковлев. И впрямь кура-то только что не из-под секача. Аж теплая... Да стой... Аль у меня в глазах рябит? Самаренинов! Глянь-ка на куру-то? Нешто белая?

Самаренинов. Какое? Сам видишь,—пеструха.

К. Яковлев. Стало, не рябит в глазах: пеструха и есть? [Феньке]. А как же ты сказывала,—белая?

Фенька. Мамынька, вели ему отстать... пытал, пытал!

К. Яковлев [смеется добродушно]. То-то вот! Соврешь, ан и попадешься. Вишь: сама грешила, девчонку в грех ввела,—а к чему все? Все ведь знаю: сам Стенька был у тебя,—тут же, в этой же хате сидел,—его и кровь на лавке. Услыхал погоню,—ускакал,—так, что ль?

Прасковья. Ну, а хоть бы и так. Дале что?

К. Яковлев. А дале, — так бы по чести и сказывала, а то брехала, брехала, — и все попусту... Ну, да Бог тебе судья!

Самаренинов. Что это наши как запропастились?

Яковлев. И то—не спешат! Не обессудь, хозяюшка, видно приходится нам погостить у тебя. А ты, Михайло, вели-ка коням хоть сенца кинуть.

Самаренинов. Схожу...

Фенька. Ой, мамынька!..

Прасковья—[всполошилась]. Сама сейчас схожу на сенничок, а тебе, отец, пошто себя тревожить? И так притомился!

К. Яковлев [вновь навострился весь]. Что ты как всполошилась? Аль у тебя какой клад в сене-то зарыт? А ну-ко, Михайла, обшарь-ка сенник-то, не схоронено ль там чего?

Прасковья. Полно, батюшка, чему в сене быть?

Самаренинов. И то,—какой дурак в сено да клад зароет?

К. Яковлев. Ты делай, что велю! Все чтобы перебрать, всякую былинку перетрясти, — без того не ворочайся!

Самаренинов. Иду, а чудно что-то? Клада в сене искать.

[Уходит].

К. Яковлев. Что присмирела? Что с лица-то какая белая сделалась, хозяюшка? Вишь, Бог за неправду-то карает... Вот, ужо погляжу я, что у тебя в сене-то запрятано? Разочтусь с тобой, коли что,—не обрадуешься! Злодеев государевых покрывать? Слуг царевых обманывать? Ладно! Узнаешь, каково так делать,—спокаешься!

Прасковья. Не стращай больно-то! Не из пугливых...

Фенька. Мамынька, что же с нами-то теперь будет? Что он с нами сделает-то?

Прасковья. Не плачь, доченька, полно!

Фенька. Нагрешили-то мы как...

Прасковья. Пустое, Фенюшка. Человека спасая и соврать—в грех не зачтется... Полно, касатка, полно, ясочка.

[На дворе шум, крики, — в окнах и в сенях видны толпящиеся любопытные: станичники, бабы, старики].

Прасковья. Ишь, налетело воронье-то, как падалью запахло!.. Чего в избу ломитесь? Уйди с глаз долой!

К. Яковлев. Чего гонишь их? Пущай полюбуются на куру на твою. Знаю я: кура ведь то, резаная, белая-то у тебя сене схоронена! Вон уж, никак, и волокут ее?

ЯВЛЕНИЕ 9.

Те же, Самаренинов и **два казака** вводят **Разина**.

[Понемногу горница наполняется любопытными].

Самаренинов. И, впрямь, сыскал? Глянь-ко, батька,—сам к нам в руки попал? Аж глазам не верю...

К. Яковлев. Здорово, крестничек! Вишь, вот и привел Бог свидеться!

Разин [со сна, босой, волосы всклокочены]. Здорово, крестный.

К. Яковлев. А ты все спесив, как и был... И шапки не ломишь.

Разин. Вишь, рука стрелена, не дотянусь никак до шапки-то.

К. Яковлев. Та-ак... Ну-ну. Я тебя не нужу... Авось в Москве, у государя-то спеси посбавишь! Нам, малым людишкам, где с тобой равняться? А уж я тебя туда с почетом доставлю. По государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержца указу, везти тебя с великим бережением, чтобы взад не повернул ты, да чтобы худа над тобой какого не учинилось.

Разин. Ты меня сонного да безоружного взял,—что ж? В твоих руках я теперь,—делай, что знаешь.

К. Яковлев. Да уж и то сделаю, что знаю,—не взыщи, крестничек! Тебя не спрошу... Эх, Степан, Степан! В последний тебе добром говорю: повинись перед государем, обещайся впредь ему служить верой и правдой, авось по милости своей простит он тебя,—не сымет головы-то!

Разин. Чему учишь? Против совести идти? От себя отречься? Не бывать тому. И речей таких боле не заводи,—ни к чему они.

К. Яковлев. Не хочешь меня, старика, слушать,—твоя воля. А коли бы давно меня послушал, может и не привелось-бы голову на плаху нести.

Разин. Понесу,—не сробею...

К. Яковлев. А чего достиг-то ты,—о том поразмысли?.. Кто с тобою шел, почитай, все отступились, тебя одного кинули,—босого, на сеновале... избитого... Где же сила твоя, которой так похвалялся? Все, видно, порушилось?

Разин. Что из того, что рушилось? Видно, не пришел срок,—да брошено семя и живо будет! Зима снегу навалит, да не смерть то, а сон до весны. Солнце весеннее, жаркое, растопит снеговые саваны,—выбьется на свет Божий сокрытая жизнь, все переборет и плод принесет! Верю в то крепко, а с такой верой и помереть не страшно. Нам не задалось,—задастся детям нашим, в них исполнится.

К. Яковлев. Красно говоришь,—где мне, дураку, за тобой угоняться? А только по моему глупому разумению, не складней ли было б высоко не заноситься,—да все на новый лад не перекраивать, а жить бы своим домком, добра наживать, деток выводить, да и помереть с почетом! А теперь что? С бесчестьем голову сложишь, да и детям, окромя имени постылого, что оставишь? Ведь на Москве-то тебя сам святейший патриарх анафеме предал! Что на том свете-то за то будет,—о том подумал ли?

Разин. Вот, когда бы народ весь память мою проклял,—скорбел бы я. А что патриарх да попы меня анафемствуют, да в угоду земному царю от небесного отлучили,—о том мало крушусь. Коли правда сверху-то видна, так там, пожалуй, по иному рассудят, коли срок придет!

К. Яковлев. Богохульствуешь? Богомерзкими устами хулу на пастырей святых несешь?.. Степка, образумься, образумься, пока не поздно! Покайся в грехах,—не на этом так хоть на том свете, может статься, прощенья вымолишь.

Разин. По своей правде жил, как умел, противу нее не преступая,—за нее же и на смерть иду. В том ли грех мой?

К. Яковлев. Вот, погляжу я на правду-то твою, как тебя на Москву повезут закованного, злой пыткой пытать станут... Правда-то твоя спасет ли тебя? А отсекут голову,—что тогда от правды твоей останется?

Разин. А коли тебе не понять того, что останется, умишком своим,—так жалко мне тебя! Потому в самом тебе, знать, правды нет: корысти ради, а не из веры служишь.

К. Яковлев. Ты же еще и ругаешься?.. [Станичникам]. Приступайся... бери его... вяжи крепче!.. Ну, чего встали? Аль боитесь?.. Аль рука не подымается?.. Делайте, что велю!..

[К Разину нерешительно подходят несколько человек].

Разин. Вяжи, противиться не стану... Душу-то мою чем свяжешь,—о том поразмысли?

К. Яковлев. Ладно! Там разберут душу твою... Благо не уйдешь теперь... Сам, как пес, стеречь тебя стану, глаз до самой Москвы не спущу... Ведите его!

Разин [кланяется низко]. Прости, народ православный, коли в чем перед тобою согрешил! Тебе винюсь, тебе кланяюсь...

[Нерешительный и тревожный гул голосов]:

— Бог тебе судья...—

— Прощай, Степан Тимофеевич! За нас, за нас страдает...—

— На смерть идет...—

[Разина уводят. Слышны сдержанные рыдания в толпе].

К. Яковлев. Кто воет там? Вот, я вас!.. Не вывелась, видно, крамола-то? Сидит? Глядите у меня!.. [Прасковье]. А с тобою ужо сведаюсь! Узнаешь, как государевых злодеев покрывать!

[Уходит, не оборачиваясь, тяжелыми, усталыми шагами, как бы неся невидимую тяжесть. Вздохи, рыдания усиливаются, растут].

Прасковья [как бы выйдя из столбняка]. Выдали, сами же, своими руками выдали, псы, да сами же и воете?.. За вас же, да за детей ваших кровь его прольется. Как им

детям-то, в глаза глядеть станете?.. Что им ответите, когда спросят?.. Чем оправдаетесь?.. Что бороды-то в пол уставили? Молчите?.. Совесть зазрила? Глядите, вон повели его, голубчика, связанного... ведь на пытку ведут!.. на посмешище!.. На казнь злую... Да вам что? Зажирели... набили мошну. Эх, не глядела бы на вас... постылые... бессчастные... кривые душенки темные...

[Ее хриплые, гневные выкрики переходят в рыдания. Толпа молчит, подавленная].

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ V.

Низкие своды застенка, ветхие, пыльные. В крохотные оконца как ни скудно просачивается свет, все же видно синее июньское солнце, слышны звонкие голоса птиц, колокольные перезвоны, стоящие над Москвой. Около печи, в которой калят железо при пытках, заплечный мастер Иван Хлудов варит в таганке похлебку. Тут же его подмастерье,— Артемка.

ЯВЛЕНИЕ 1.

Хлудов, Артемка.

Хлудов. И каждое дело надобно с рассудком делать, а не то что тяп-ляп, да и ладно... Все равно и пытать. К примеру возьмем, ежели на дыбу вздымать, так надобно по-малу, а не вдруг. А то враз вздернешь, косточки-то затрещат, из суставов-то повыскочат; сразу-то завопит, да на том и замолк.

[Хлудов говорит вразумительно, не торопясь. Голос ровный, спокойный,—иногда добродушно посмеивается. Артемка слушает с болезненным острым вниманием и все лицо его землистое и худое, живет и движется ежеминутно].

Артемка. А как же надыть?

Хлудов. А так, чтобы они неспеша из суставов-то выворачивались, по-малу... Как начнет он медленной мукой-то мучиться, терпенья-то не станет, он все и выскажет, что нам вызнать-то надобно.

Артемка. Да ведь мученье какое...

Хлудов. Известно,—мученье... На то и пытка, чтобы мученье... А то пошто же еще?

Артемка. А жутко мне, дяденька Хлудов, бывает, так жутко, от крику от ихнего...

Хлудов. Ладно,—привыкнешь! Человек со всем свыкается.

Артемка [шепчет]. А тебе ничего?

Хлудов. А что ж? Я свое дело делаю.

Артемка. А как они воют-то... Страсть...

Хлудов. Завоешь, коли кости выворачиваются. Тоже не сладость.—Ну, вот и вскипело! Садись, что ли, похлебаем пока.

[Хлудов ест со вкусом, неторопливо, облизывая ложку. Артемка нехотя, о чем-то думая].

Что скучно ешь? Пищу-то принимать с легкой душой надобно, а то до веку в тело не войдешь: все и будешь таким ошметком. А какой, коль так, заплечный мастер будешь? Заплечный мастер, он должен вид иметь... чтоб его,—разбойник ли, тать ль, аль кого ни пытай, всякий уважал да страшился... А ты что? Зачнешь пытать, а сам же весь трепыхаешься?

Артемка [задумчиво]. Вот теперича похлебку варили, а ужо теми углями будем Стеньку поджаривать...

Хлудов. А что ж? Всему свое время... Вот, опять же, как кнутьем сечь... Коли просто, без ума стегать,—и толку никакого. А ты так ладь, чтобы с оттяжкой ремень на спину-то ложился,—с приволокой, а не зря...

Артемка [не слушает]. А он все молчит...

Хлудов. Кто?

Артемка. Да Стенька же... Аномнясь пытали, пытали,—молчит... Нонче его опять же?

Хлудов. Его...

Артемка. Молчит...

Хлудов [неодобрительно]. Крепок.

Артемка. А глаза-то его видал?

Хлудов. Ну?

Артемка. Страшные... Зубы как стиснет,—молчит...

Хлудов [все более сумрачно]. Этого не переломаешь...

Артемка. А не ладно мы делаем... не по совести...

Хлудов. Чего—не по совести-то?

Артемка. А пытаем-то... За нас муку терпит...

Хлудов. Да ты что? Рехнулся? Услышит кто, борони Бог,— и ног не унесешь: самого засекут... Наше дело какое? Велено пытать,—пытай... Да помалкивай, знай.

Артемка. А на Москве-то, слышь, сказывают, Стеньку-то хлебом-солью встретить бы надо, а не с таким позорищем, как привезли-то его. А намедни просвирня от Вознесенья тоже сказывала: Стенька-мол наказанье Божье, на бояр да на воевод насланное за лихие дела...

Хлудов [рассердился]. А ведомо тебе, что с языкатыми такими бывает? Руки, ноги поотрубают, да потом повесят,—вот те и весь сказ!

Артемка. Ах, ты, Господи...

Хлудов. Чего охаешь? Сказано: не своей волей делаешь, стало и греха нету!

Артемка. И пошто меня в ученье это отдали? Быдто другого какого рукомесла не нашлось.

Хлудов. Надо и палачом кому быть... На всяком деле должен быть человек поставлен, а коли поставлен, так должен и справлять его по совести, как перед Богом... Так же и мы...

Артемка [не слушая]. Солнышко, вишь... листочки подрагивают... Легко ли?

Хлудов. Чего легко ли?

Артемка. Да ему, сердечному, неволю-то нести... Чай, так и позывает...

Хлудов. Кого?

Артемка. Да Стеньку-то...

Хлудов. Да ты, вижу я, и вовсе сдурел... „Стенька, Стенька"... Наладил одно... Покажут тебе ужо Стеньку,—дождешься.

Артемка. Да жалко же...

Хлудов. Мало чего жалко?.. Жалостлив больно...Тоже и сам... нес легким сердцем, может, к нему приступаю... да мол-

чу же... Убери-ка таганок, гляди,—да поживее,—никак сам боярин Яков Никитич сюда семенит.

[Артемка поспешно убирает таганок. В дверях показываются мышиные глазки Одоевского. Маленький, сухенький,—он словно все выглядывает, вынюхивает что-то. Голос визгливый, тонкий, захлебывающийся. Вслед за ним,—дьяк Петр Самойлов].

ЯВЛЕНИЕ 2.

Те же и **Одоевский** и **Самойлов**.

Одоевский. Ну что?.. Все молчит?.. молчит все, разбойник?

Самойлов [сумрачно]. Молчит, государь...

Одоевский. Заставлю... заставлю рот раскрыть... заставлю. А с прошлого-то разу отошел ли хоть?

Самойлов. Дохтур сказывал: можно вновь зачинать. Рубцы, однако, шибко признатны.

Одоевский. Ладно... попытаем... в последний попытаем,—не то государь на завтра казнить велел. [Хлудову]. Хлудов!.. Гляди у меня! На совесть работай... чтобы без фальши... без фальши, гляди!

Хлудов. Помилуй, государь,—из последних выбиваюсь... Зубами скрипит, глаза вовсе на лоб вылезут,—а молчит, ровно и не его пытают...

Одоевский. Гордость в нем сатанинская!.. Сатанинская гордость!.. Ну, да я заставлю сломиться-то... заставлю!.. И не таких видывали... А ты помни, Хлудов: коли государевым злодеям потакать вздумаешь,—самому... самому дыбу отведать придется!..

Хлудов. Неповинен в том, государь...

Одоевский. Кто вас разберет всех? Куда ни глянь,—всюду ныне крамола да шатость... У всех у вас мысли-то Стенька-вор замутил! Мне все ведомо!

Хлудов. Занапрасно гневаться изволишь, государь. Вели отца родного пытать,—не помилую, а не то, что Стеньку,—злодея.

Одоевский. Эй, душой кривишь!.. Кривишь душой-то! Все вы на словах государевы слуги, а сами того и глядите, как бы смуту завести сызнова!.. При своих глазах нынче вора пытать велю... Так-то вернее будет...

Хлудов. Как изволишь, государь...

Одоевский. Слышь ты, дьяк... Пётра!.. Вели-ка вора сюда вести... да живо чтобы... да и Фролку-собаку зараз!.. А ты, Хлудов... тебе сказываю!..—ты изготовь все, что для пытки надобно...

Хлудов [сумрачно Артемке]. Идем, что ль? [Уходят].

[Одоевский, оставшись один, сразу осел, потемнел,—только беспокойные глазки бегают].

ЯВЛЕНИЕ 3.

Од кий и **Самойлов** [входя вновь].

Самойлов. О чем печаловаться изволишь, боярин?

Одоевский [вздрогнул]. Ты это, Пётра?.. Подкрался как, я и не слышал... Неспокойно на душе-то, Пётра, неспокойно!.. Вишь, изловили Стеньку-то, на Москву в оковах привезли, и ладно бы, кажись, сделали дельце, отвалились, да и на бок можно бы? Ан смятение в народе-то все не унимается! Здесь потушили,—там занялось... Одну глотку заткнул,—на том месте пять иных то же вопят...

Самойлов. Глубоко поганый корень в землю ушел,—не скоро выкорчуешь!

Одоевский. По Оке, по Волге, в Танбовских, в Пензенских землях,—везде неладно... везде шум идет...

Самойлов. Много у них, воров, приспешников развелось,—нашептывают, прельщают народ посулам,—вот и нет спокою.

Одоевский. Ох, не на радость государь мне розыск этот указал чинить... Руки опущаются... Голова свертелась вовсе... А помнишь, Пётра, при первом допросе Стенька словцом-то обмолвился: „до меня еще, мол, смута по-людям бродила и не я ее поднял,—она меня подняла“? А что, коль и впрямь так? Стеньку истребим,—дух останется?

Самойлов. Не подавайся, государь. Мыслям податься последнее дело.

ЯВЛЕНИЕ 4.

Те же, пристава вводят **Разина** и **Фролку** [оба в оковах].

Одоевский. А-а... Пожаловали?.. Пожаловали, соколики?.. Заготовил я вам нынче гостинчик, заготовил,—не побрезгуйте, выкушайте на доброе здоровьице!

Разин [измучен, говорит с трудом]. Все шутки шутишь, боярин... Не рано ль веселиться вздумал, не наплакаться бы еще впереди-то?

Одоевский. Ты что это?.. что это ты? Грозиться вздумал? Стращать меня?.. На смерть обоих... на смерть запытаю... сгною... засеку!..

Разин. Полно слюной-то брызгать... Верещишь, а не больно страшно... Мы свое отгуляли, видали вольного житья... теперь и потерпеть не грех... Да нешто это мука?.. Ровно баба иглою колет,—пытка-то твоя.

Одоевский. Я те покажу бабу!.. Сведаешь, каково хорохориться-то!.. Не винишься?.. не винишься, сказывай?

Разин. Виниться мне не в чем,—мое дело правое.

Одоевский. Так согну же... в три погибели согну тебя, окаянный!

Разин. На двое сломлюсь, а не согнешь...

Одоевский. Ой-ли, будто—так?

Разин. Все стерплю,—слова не вымолвлю...

Одоевский. Ей, Хлудов!.. Каленым железом пытать его, пса, пока не повинится! Да гляди у меня, помни, что сказывал!.. Сам при пытке буду... Ведите его!..

[Разина уводят. Одоевский и Самойлов идут за ним. Остаются Фролка и два пристава. Фролка, бывший все время как бы в столбняке, вдруг начинает метаться].

Фролка. Батюшки!.. голубчики!.. родимые!.. Что же это?

Что же это, Господи! Опять муку принимать? Опять терзать будут?.. Света Божьего не вижу... страх-от какой...

Первый пристав. Молчи уж, знай! И так все нутро переворачивается...

Фролка. Да где силы-то взять молчать? Где взять силы-то? Ведь мука непереносная... Ох, ох, Господи!.. Святые угодники!..

[Стихает. Молчание. Прислушиваются к тому, что происходит за дверью. Первый пристав тихо подходит к ней, приникает ухом. Слушает].

Второй пристав [осипшим от страха голосом]. Зачали, что ль?

Первый. Зачали...

Второй. Молчит?..

Первый. Молчит...

Второй. О, Господи... [Крестится].

Первый. Слышь? слышь? аж шипит!

Второй. Мясо?

Первый. Оно...

Второй. Неужто, молчит?

Первый. Молчит...

Второй. Господи! И откуда такая силища берется?—Чу? чу? Никак голос подает?

Голос Одоевского. Молчит? Молчит, пес? Так снять же волосы с макушки у него... снять волосы!.. да холодную воду по капле лить!.. По капле,—да чтоб на одно место падало!.. Вода-то, слышь, камень долбит... Против этой муки никто еще не выстаивал... Стриги его, Хлудов!..

Голос Разина. Ишь ты... слыхал я... что в попы-то ученых людей ставят... А тут меня... неуча... постригать вздумали...

Второй. Неужто смеяться может?

Первый. И то смеется...

Фролка [стихший было, вновь начинает метаться]. Братцы, голубчики... убейте меня... враз убейте, чтобы только вновь муки не принимать... Нету сил моих больше!.. Христом Богом молю!..

Второй. Полно те, полно голосить-то!..

Фролка. Да что же это? Да за что же это, голубчики? Вот... вот она и пришла... и пришла смерть... голубчики...

Первый [не вынеся криков Фролки]. Не вой!.. Слышь, не вой! На смерть заколочу, коль выть еще станешь!

Фролка. Да что ж ты? Да за что ж ты меня?..

Первый. Молчи, говорю!.. И так тошно, а он... воет тут...

Второй. Господи, Господи! Сохрани и помилуй! Грех-от какой...

Первый. И ты еще!.. Мы ль всего не нагляделись?.. Кажись не привыкать...

Второй. А пошто у самого руки-то ходуном ходят?

Первый. Нишкни!.. Боярин идет...

ЯВЛЕНИЕ 5.

Те же, Одоевский, Самойлов, за ними **Артемка**.

[Одоевский и Самойлов оба бледны, руки прыгают. Артемка, бледный, обалделый, стоит в дверях].

Одоевский. Молчит... Молчит, пес!.. [Вдруг накидывается на Артемку]. Чего стоишь?.. Ты!.. Чего глаза пучишь? Столбняк нашел?.. Места своего не знаешь?.. Дела не знаешь?..

Артемка [бросается в ноги]. Не неволь, государь, силы моей нету глядеть на муку ту!..

Одоевский. Что? Государевых злодеев жалеешь?.. К ворам снисходишь?.. Ступай, куда велят!

Артемка. Не пойду!.. Что хошь делай,—не пойду... пытай,— не пойду! Нет сил терпеть... Не стану... не стану терпеть... не стану!..

Одоевский. Ты так?.. Добро!.. Ей, приставы!.. Бери его,—в оковы его... в кандалы... под кнут его!

[Артемку хватают и уводят. Одоевский кричит]:

Стеньку-вора волоки сюда!.. Живо там... поворачивайся!.. Да Фролку пытать...

[Пристава подходят к Фролке].

Фролка. Голубчики!.. Родимые!.. Ой! ой! Смилуйтесь! Во всем повинюсь... все, что знаю—выскажу!.. Что же это, батюшки!..

ЯВЛЕНИЕ 6.

Те же и **Разина** вносят на рогоже.

Разин [Фролке]. Чего как заяц кричишь... Не давай над мукой своей им тешиться...

Фролка. Помирать пришло... Ой! Ой!.. Батюшки... Не приступайтесь!.. ой, не приступайтесь ко мне!.. А-а-а!..

[Кричит долго, пронзительно. Ему затыкают рот; уволакивают. Молчание. Одоевский подходит, наклоняется над Разиным, пристально вглядывается в лицо его].

Разин [усмехается с усилием]. Любуешься?

Одоевский. Не образумился все? Не винишься?

Разин. Сказано тебе: виниться мне не в чем...

Одоевский. А кто народ смутьянил? добрых людей подбивал? порядок рушил? Да не попустил Господь лихого дела... Завтра наутро голову на казнь понесешь!.. Тебя истребим,—всех, кто с тобой, истребим, всю сорную траву повыдергаем!

Разин. Одних истребишь,—другие на том месте встанут. Их изловите—еще сотни поднимутся и не знать вам спокою до веку! Ишь, как перекосило тебя всего, боярин! Сам ведаешь, что моя правда, зато и несносна она тебе.

Одоевский [плюет в лицо Разину]. Так вот же тебе! Вот!.. вот!.. вот!

Разин. Плюй... В лицо плюй, бей, пинай, ногами топчи,—все стерплю, все вынесу... Вишь, в глаза вот смеюсь тебе... и буду... буду смеяться!.. Что сделаешь? И связанный лежу... по рукам и ногам скованный... а все я сильней тебя... Все не одолел ты меня... Чего зубами-то ляскаешь? руки-то у тебя чего прыгают?

Одоевский. Молчи!.. Слышь,—молчи!.. Не смей глядеть так!

Разин. Напужался, боярин?.. Что же не бьешь? Аль руки не поднять?

Одоевский. Чорт ты!.. Нечистый ты,—вот ты кто!

Разин. Врешь, боярин! Знаю, почему я тебе страшен! Чуешь ты: меня повалил, в цепи заковал, а правда-то моя все жива... Его-то, того, кто за мной-то стоит... весь черный народ загнетенный... его-то не схватишь, боярин... в застенок не бросишь... не истребишь лихой смертью!..

Одоевский. Глотку заткну!

Разин. Заткни глотку! Мою заткнешь, а все голоса гудеть будут на Руси,—слышь? Слышь?.. Дай срок, прокатятся они по всей земле от края до края, и придет час правды моей!

Одоевский. Врешь! Не бывать тому, сатана!

Разин. Так будет же!.. будет!.. будет!

[Удушаемый бессильной ненавистью колотится от злобы Одоевский. И светло, и победно смотрит перед собою закованный Разин].

ЗАНАВЕС.

КАТАЛОГ КНИГ

Петербургского Отделения Государственного Издательства.

Петербург, Невский, 28.

	Р.	К.
Алексеев и Варлен. Две речи		70
Арну. Мертвецы коммуны		45
Его-же. Народная история Парижской Коммуны		—
Афиногенов, Н. (Степной). Записки ополченца. Разошлось	1	25
Бакс. Парижская коммуна	1	75
Барбюс. В огне. Дневник полувзвода. Пер. Арденина. 1-е и 2-е издания разошлись. Печ. 3-е изд.	30	—
Басов-Верхоянцев. Венок. Сказки	5	—
Бебель, А. Из моей жизни. Мемуары, т. I и т. II ч. I по	7	50
Его-же. Христианство и социализм	—	50
Богданов. Красная звезда	5	20
Браке. Долой социал-демократов	1	—
Брусянин. В борьбе за труд	3	—
Бухарин. Программа коммунистов	1	75
Его-же. Долой международных разбойников. Разошлось. Печ. 2-е изд.	—	40
Его-же. Классовая борьба и революция в России	1	80
Быстрянский. Империализм	—	35
Его-же. Империалистическая Англия против социалистической России	—	40
Вандервельде. Социализм и искусство	—	90
Ватин. Что такое коммуна?	—	20
Вейтлинг. Человечество, каково оно есть и каким должно быть	—	85
Венок коммунаров, Сборн. памяти В. Володарского, с рис.	4	—
В—ик, Л. Уголок немецкой оккупации	—	50
Войнич, В. Овод. Роман. Пер. с английского З. Венгеровой	4	50
Володарский, В. Напутственная речь агитаторам. 3-е издание	—	50
Волховский. Сказание о царе Симеоне	1	25
Враги ли евреи рабочим и крестьянам. Разошлось. Печ. 2-е изд.	—	65
Гайк-Ад-янц. Крестьянский вопрос во Франции	—	55
Гауптман. Ткачи. Драма	3	—
Горичев. Таблица исчисления заработной платы от 150 до 1000 р. при 6 и 8 час. рабочем дне	5	—
Горлов, Н. Темные силы, война и погромы	—	40
Горький, Максим. Макар Чудра. С иллюстрац.	1	—
Его-же. Челкаш	1	50
Его-же. Двадцать шесть и одна	1	50
Его-же. Дед Архип и Ленька	1	10
Его-же. Емельян Пиляй	1	20
Его-же. Дело с застежками	—	80
Его-же. На плотах	1	30

	Р.	К.
Горький, Максим. Мальва	1	80
Его-же. Коновалов	2	60
Его-же. Тюрьма	2	25
Его-же. Проходимец	2	—
Его-же. Скуки ради	1	40
Его-же. Васька Красный	2	50
Его-же. Кирилка	1	30
Его-же. О евреях	1	10
Его-же. Как я учился	—	90
Декав. Фленго. Рассказ из времен коммуны 1871 г.	—	25
Декреты о суде	1	50
Демьян Бедный. Земля обетованная	1	20
Его-же. В огненном кольце	1	50
Его-же. Басни. С иллюстр.	4	50
Дитцген. Религия соц.-демократии	3	50
Евреи, классовая борьба и погромы	—	40
Жорес. Мир и пролетариат	—	45
Закон о лесах Российской Фед. Сов. Республики	—	30
Зиновьев, Г. Корни оборончества. Разошлось. Печ. 2-е изд.	1	10
Его-же. Наше положение и задачи создания красной армии	—	25
Его-же. Австрия и война	1	80
Его-же. Из истории пролетарского праздника 1 мая	—	30
Его-же. Г. В. Плеханов. Вместо речи на могиле	—	45
Его-же. Хлеб, мир и партии	—	70
Его-же. Рабочие партии и профессиональн. союзы	2	25
Его-же. Речь о создании красной армии. 2-е изд.	—	25
Его-же. Социализм и война	1	10
Его-же. Н. Ленин, жизнь и деятельность	2	—
Его-же. Письмо к крестьянам	—	50

	Р.	К.
Зиновьев, Г. Слово к красноармейцам	—	40
Его-же. Чехо-словаки, белогвардейцы и рабочий класс	—	35
Его-же. Что делать в деревне	—	70
Его-же. О мятеже левых эс-эров	—	60
Его-же. Война и кризис социализма	15	—
Его-же. Из истории нашей партии	1	10
Его-же. Франц Меринг	—	30
Зиновьев, Г. и Ленин, Н. Против течения. 2-е изд.	10	—
Зиновьев, Г. и Троцкий, Л. Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Речи, произн. на засед. Петр. Совета	2	—
Ионов, Илья. Алое поле. Стихотворения. 2-е изд.	1	50
Кампанэлла, Томас. Государство солнца. Утопия.	4	30
Карпинский, В. А. Мир или война	—	15
Катая, С. А. Террор буржуазии в Финляндии	3	50
Каутский, К. Наука, жизнь и этика	—	30
Его-же. К. Маркс и его историческое значение	1	25
Его-же. Экономическое учение К. Маркса. 2-е изд.	3	50
Его-же. Этика	2	25
Его-же. На другой день после социальной революции	—	75
Его-же. Классовые интересы	—	40
Его-же. Карл Маркс. Биографический очерк	—	45
Его-же. Томас Мор и его Утопия	12	—
Его-же. Ирландия	1	40

	Р.	К.
Каутский, К. Возникновение брака и семьи	2	25
Керженцев. Как вести собрание	1	40
Кий. Что такое социализм?	1	10
Его-же. Республика Советов. 4-е исправл. и дополн. издание	—	40
Его-же. От крестьянской общины к социалистической коммуне	—	35
Его-же. Сельская коммуна .	—	40
Клюев, Н. Медный кит . . .	2	40
Князев, В. Красные звоны и песни	2	50
Его-же. Красное евангелие.	1	20
Его-же. Песни красного звонаря	8	—
Коллонтай. Работница-мать .	—	35
Конколь. Коммуна 71 г. . .	2	—
Конституция Советской Республики	—	40
Королькевич, Б. Е. Финансовые и экономические законы и мероприятия Германии против держав согласия за время нынешней войны	—	35
Лазар, Бернар. Антисемитизм и революция . . .	—	70
Ларин, Ю. Крестьяне и рабочие в русской революции	—	40
Лассаль, Ф. Принципы труда в современном обществе.	—	60
Лафарг, П. Происхождение религиозных верований.	—	60
Его-же. Благотворительность и право на труд .	—	60
Его-же. Миф о непорочном зачатии	—	35
Его-же. Вера в Бога. Разошлось. Печатается 2-е изд.	—	75
Его-же. Труд и капитал . .	7	50
Лафарг, П. Патриотизм буржуазии	1	10
Его-же. Право на леность .	1	10
Ленин, Н. и Зиновьев, Г. Против течения. 2-е изд., с портретами	10	—
Ленин. Доклад и заключительная речь на 3-м Всероссийском с'езде Советов	—	25
Его-же. Борьба за хлеб. Разошлось. Печатается 2-е изд.	—	40
Его-же. Пролетарская революция и ренегат Каутский	4	50
Его-же. Главные задачи наших дней	—	65
Его-же. Уроки революции. .	—	40
Его же. Империализм, как новейший этап капитализма. (Популярный очерк).	4	50
Его-же. За 12 лет. Сборник статей.	20	—
Либкнехт, В. Два мира . . .	1	60
Его-же. Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений . .	1	30
Его-же. 1848 год и коммуна. 2-е изд.	2	—
Его-же. Воспоминания о К. Марксе	2	—
Либкнехт, Карл. Мой процесс по документам. С предисл. Зиновьева и портретом К. Либкнехта . .	12	—
Лилин, З. Солдаты тыла. Женский труд до и после войны. Разошлось. Печатается 2-е изд. . . .	2	10
Ее-же. Что дала революция народу	—	35
Литературный сборник, посвящен. памяти Г. В. Плеханова	3	45

	Р.	К.
Логинов. На страже. Стихотворения. Сатиры . .	1	80
Лукин, Н. Церковь и государство	—	50
Луначарский. Комедии. 2-е изд.	5	20
Его-же. Первый пророк и мученик революции Радищев	1	20
Луначарский, А. и Зиновьев, Г. К. Маркс и социальн. революция. Разошлось. Печ. 2-е изд.	—	65
Лурье, М. (Ю. Ларин). Суд над К. Либкнехтом . . .	—	45
Его-же. Крестьяне и рабочие в русской революции . .	2	—
Его-же. Состав пролетариата. 2-е изд.	—	65
Майская, Татьяна. Полустанки	3	50
Маркс, К. Либералы у власти.	2	—
Его-же. Наемный труд и капитал	1	40
Его-же. Заработная плата, цена и прибыль	—	85
Маркс, К. и Энгельс, Ф. О коммунизме	1	40
Маркс, К. и Энгельс, Ф. Манифест коммунистической партии	2	80
Мархлевский. Что такое политическая экономия? . .	1	10
Меринг, Фр. и Лафарг, П. Фридрих Энгельс	1	40
Мещеряков, В. Деревенская беднота и путь к социализму	—	40
Мирбо. Жан и Мадлена. Драма	1	50
Мор, Т. Утопия	7	20
Муйжель. Бабья жизнь . . .	3	50
Его-же. Старый каморра .	2	—
Наш рабочий праздник 1 мая	—	30
Немирович-Данченко. Волчий сын	7	—

	Р.	К.
Олар. Полит. история франц. революции.	24	—
Памяти К. Маркса. Сборник статей. 2-е изд. . . .	4	50
Первый социалистический советский настольный календарь	20	—
Плеханов, Г. Речь о Белинском	1	80
Равич, С. Что такое республика советов	—	75
Радек. Анархисты и Советская власть	—	12
Раковский. Социализм и война	1	—
Рионов, Ник. Как совершать записи рождений, брака, развода, внебрачных детей и установление отцовства у народных нотариусов	—	75
Ромэн Роллан. Жан Кристоф. Сердце Франции, т. VII	2	25
Его-же. Заря, т. I	4	—
Его-же. Ярмарка на площади, т. V.	7	50
Его-же. В стороне от схватки	5	20
Рубакин. Вода на земле, под землей и над землей. С мног. иллюстр. .	3	—
Его-же. Приключения в стране рабства. С многочисл. иллюстрац. . . .	5	50
Его-же. Дедушка - время. Новогодняя сказка	3	—
Его-же. Что такое кометы .	3	50
Его-же. Как и когда разные народы научились говорить каждый на своем языке	2	—
Рязанов, Д. Две правды (марксизм и народничество). Разошлось. Печ. 2-е издание	—	90

	Р.	К.
Рязанов, Д. Обуховское дело. Разошлось. Печ. 2-е изд.	—	70
Его-же. 19-е февраля. Разошлось. Печ. 2-е изд.	—	75
Его-же. К. Маркс и русские люди 40-х годов	1	80
Его-же. Г. В. Плеханов и группа Освобождение труда	—	90
Его-же. Англо-русские отношения в оценке К. Маркса	3	75
Самойлова. Современная безработица и борьба с нею	1	10
Ее-же. Продовольственный вопрос и Советская власть	—	90
Ее-же. Что дала Великая октябрьская революция рабочим и крестьянам.		
1-е издание	—	50
2-е издание	1	20
Сборник декретов и постановлений по Союзу Коммун Северной Области, два тома	100	—
Сборник инструкций, положений и правил по организ. с.-х. коммун.	—	20
Срединский, С. Основы газетного дела	2	30
Стеклов, Ю. Черная сотня во Франции. Разошлось. Печ. 2-е изд.	1	20
Его-же. Револ. 1848 г. во Франции	2	—
Его-же. Прудон	—	80
Его-же. Поль Лафарг. 2-е изд.	—	55
Его-же. Новейшее течение во французском антисемитизме	1	—
Его же. Интернационал, ч. I.	4	80
Его же. Интернационал, ч. II	2	25
Степанов. Жан-Поль Марат	—	40
Степанов. Твердые цены на хлеб	—	10
Его-же. Кто богатеет и кто разоряется	—	35
Троцкий. Труд, дисципл. и порядок	—	30
Его-же. Слово к рабочим и крестьянам	—	45
Его-же. Советская власть и международный империализм	—	25
Тун, А. История револ. движений в России	4	80
Тюрлан. Парижская коммуна	2	—
Его-же. Цена крови	—	40
Цеткин, К. Война за свободу и мир в России	—	12
Ее-же. Женский вопрос, интелл., пролетар. и социал.	—	70
Ее-же. За большевиков	—	45
* * * Мировая война. С предисловием Г. Зиновьева	1	10
Чикколини, С. В. Происхождение современной войны	—	25
Чуковский, К. Крокодил. С рисунками художника Ре-ми	10	50
Его-же. Уот Уитмэн. Поэзия грядущей демократии	8	—
Шлиссельбург и его мученики. С иллюстрациями.	5	—
Эйснер. В. Либкнехт, его жизнь и деятельность	1	30
Энгельс, Ф. Философия, полит. экономия и социал. (Анти-Дюринг).	11	60
Его-же. Из истории развития социализма	1	40
Его-же. Людвиг Фейербах.	2	50
Ясинский. Воскреснувшие сны. Стихи.	12	—

Цена 20 руб.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЯ:

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

в Петрограде—Проспект 25 октября, дом № 28;

в Москве—Тверская ул., 28 и 11.